

СТЕЙНБЕК В СССР: ВЗГЛЯД ИЗ-ЗА «ЖЕЛЕЗНОГО ЗАНАВЕСА» (1945–1960)

© 2023 Л. И. Казакова (Жданова)

STEINBECK IN THE USSR: FROM BEHIND THE IRON CURTAIN, 1945–1960

© 2023 Leah I. Kazakova (Zhdanova)

УДК 82.01

https://doi.org/10.54791/27823792_2023_5_77_176

Информация об авторе:

Лия Искандеровна Казакова, канд. филологических наук, независимый исследователь, Новосибирск, Россия. E-mail: cammomilla@mail.ru.

Ключевые слова: советско-американские литературные связи, Джон Стейнбек, «Консервный ряд», «Заблудившийся автобус», «Русский дневник», «К востоку от рая», «Жемчужина», холодная война, травелог, переписка, литературная критика, литературная репутация, реценция.

Аннотация: В статье освещаются взаимоотношения Стейнбека и СССР во время позднего сталинизма и холодной войны (1945–1960). Этот этап делится на период до 1954 г., сопровождавшийся беспощадной критикой в СССР творчества и общественной позиции американского писателя, и на период после 1954 г., когда с началом десталинизации отношение к Стейнбеку в СССР стало меняться, «теплеть», подготавливая почву для триумфального возвращения нобелевского лауреата, автора «Зимы тревоги нашей», в Советский Союз в 1963 г. Важнейшим

Information about the author:

Leah I. Kazakova, PhD in Philology, independent researcher, Novosibirsk, Russia. E-mail: cammomilla@mail.ru.

Keywords: Soviet-American literary connections, John Steinbeck, *The Russian Diary*, *Cannery Row*, *Wayward Bus*, *East of Eden*, *The Pearl*, cold war, travelogue, correspondence, literary criticism, literary reputation, reception.

Abstract: The paper highlights John Steinbeck's Soviet contacts during late Stalinism and the Cold War (1945–1960). This stage is divided into the period before 1954, marked by severe criticism of Steinbeck's works and views in the USSR, and the period after 1954, when due to de-Stalinization, the attitude towards Steinbeck in the USSR began to change for the better, preparing the ground for the triumphant return of the Nobel laureate, author of *The Winter of Our Discontent* to the Soviet Union in 1963. The most important event of this period is Steinbeck's visit to the USSR in 1947 and the publication of his travel book *The Russian Diary* (1948). Along with the *Russian Diary* there exist

событием этого периода является визит Стейнбека в СССР в 1947 году и появление его травелога «Русский дневник» (1948). Наряду с «Русским дневником» американского автора, имеются материалы ВОКС, документирующие ход поездки Стейнбека. Компаративному исследованию этих отчетов и травелога Стейнбека уделено самое пристальное внимание. Антиамериканская пропагандистская линия нашла выражение в критике художественного творчества Стейнбека первой половины 1950-х гг. – повестей «Консервный ряд», «Заблудившийся автобус», романа «К востоку от рая». В заключительной части статьи рассматриваются публикации советской прессы 1955–1956 гг., свидетельствующие о постепенном возвращении Стейнбека в пантеон «великих американских писателей», а также публикация русского перевода его повести «Жемчужина» (1957), встретившей самый теплый прием у советских критиков.

archival VOKS materials documenting Steinbeck's Soviet trip. Comparative study of these reports and Steinbeck's travelogue are in focus of the attention in the article. Anti-American propaganda influenced over Soviet literary criticism: Steinbeck's works in the first half of the 1950s. (*Cannery Row, The Wayward Bus, East of Eden*). The final part of the article examines the publications of the Soviet press in 1955–1956, which indicate Steinbeck's gradual return to the pantheon of "great American writers," and the warm reception of *The Pearl* (Russian edition 1957).

Второй период взаимоотношений Стейнбека и СССР связан с началом «холодной войны» (1946), развернувшейся между двумя странами – союзниками во Второй мировой войне, и по логике своего развития делится на промежуток до 1954 г., сопровождавшийся жесткой критикой творчества и публицистических выступлений американского писателя, и после 1954 г., когда со смертью И.В. Сталина (1953) и началом процесса десталинизации (кульминацией которого стал XX съезд КПСС в 1956 г.) отношение к Стейнбеку в СССР начинает меняться, «теплеть», подготавливая почву для триумфального возвращения нобелевского лауреата, автора «Зимы тревоги нашей» в Советский Союз в 1963 г.

Важным событием этого периода, проливающим свет как на взгляд Стейнбека на СССР того времени и его «иллюзии», так и на позицию советских властей по отношению к американскому писателю, является приезд Стейнбека вместе с фотокорреспондентом Робертом Капой в СССР в 1947 г. Его итогом стали два «отчета» об этом визите – «Русский дневник» Стейнбека, опубликованный в США в 1948 г., и днев-

ники советских сотрудников ВОКСа, сопровождавших писателя в этой поездке.

В отличие от предыдущего периода (1939–1945), охватывающего непродолжительный отрезок времени и характеризующегося относительной линейностью в отношении СССР к американскому писателю, второй период можно разделить на две фазы (1945–1954 и 1954–1960 гг.); говорить о нем следует с учетом «обратной перспективы» – взгляда Стейнбека на СССР, сложившегося у него в этот период.

Стейнбек и СССР в период холодной войны

Фултонская речь Черчилля 5 марта 1946 г. и ответ на нее Сталина, опубликованный в виде интервью в газете «Правда» неделю спустя¹, обозначили резкий перелом в мировой политике, фактически провозгласив официальное начало холодной войны. Оглашение в следующем году доктрины Трумэна (12 марта 1947 г.) и плана Маршалла (5 июня 1947 г.) окончательно поставило СССР и США на позиции двух соперничающих сверхдержав, равно претендующих на осуществление политической, экономической и культурной гегемонии в мире. Одновременно в СССР разворачивается антиамериканская пропагандистская кампания, борьба с «низкопоклонством» перед Западом; с 1948 г. набирает обороты борьба с космополитизмом.

Важнейшим событием этого времени стала публикация в «Правде» постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», которое подвергло осуждению выходящие в журналах «произведения, культивирующие несвойственный советским людям дух низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада»². Беспощадная критика Америки и всего американского в этой идейной борьбе заняла самое видное место, что демонстрирует, например, «Проект мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды по Союзу советских писателей» (1949) за подписью секретаря Союза К.М. Симонова, в котором советским общественным организациям и отдельным деятелям поручалось «обеспечить создание худо-

¹ Сталин И.В. Ответ корреспонденту «Правды» // Правда. 1946. 14 марта. С. 1.

² Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 / ред. А.Н. Яковлев. Сост. А.Н. Артизов, О.В. Наумов. – М.: Международный фонд «Демократия», 1999. С. 588.

жественных произведений – пьес, киносценариев, повестей, романов, разоблачающих американский образ жизни», «создать серию из 10–15 документальных книг, написанных работниками советских закупочных комиссий, торговых представительств, ТАСС, АМКИНО, консульств, советскими инженерами, деятелями культуры, побывавшими в США, разоблачающих т.н. «американский образ жизни» и показывающих бедственное положение трудящихся США» и т.д.¹

Однако ситуация со Стейнбеком не была однозначной. С одной стороны, в СССР он был и оставался в первую очередь автором «Гроздьев гнева», книги, являвшейся блестящим доказательством бесчеловечной политики американского империализма, оставлявшей без куска хлеба и каких-либо прав свой же народ. С другой стороны, произведения, написанные Стейнбеком с 1939 г., в глазах советской критики все отчетливее свидетельствовали об отходе автора с прогрессивных позиций. Об этих и других сомнениях на его счет в кругу ответственных советских лиц пишет И.Д. Хмарский, курировавший приезд писателя в СССР в 1947 г.:

Все зарубежные визитеры классифицировались в верхах по трем главным политическим категориям: друзья Советского Союза, нейтралы и чужаки. Оттенки обычно в расчет не принимались. Стейнбек в этом смысле для руководящих товарищей был фигурой довольно размытой. <...> Каково его политическое лицо? Ни публичных изъяснений в любви к первому в мире государству победившего социализма, ни зафиксированного где-либо благоговения перед вождем мирового пролетариата и гениальным полководцем, положившем на лопатки Гитлера, ни ярко выраженных симпатий к компартии США. Право же, было над чем призадуматься².

Советская пресса о Стейнбеке. Так или иначе, в этот непродолжительный период (1945–1948), закончившийся с выходом в США «Русского дневника», советская рецепция Стейнбека была неоднородной. Изредка в печати появлялись положительные упоминания о Стейнбеке, например, в выступлении Г. Фиша о положении колхозов:

¹ Проект мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды по Союзу советских писателей. 1.04.1949 // Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945–1953 / Отв. ред., сост. Д.Г. Наджафов, сост. З.С. Белоусова. М.: МФД; Материк, 2005. С. 346–348.

² Хмарский И.Д. Месяц с Джоном Стейнбеком // Волга–Саратов. 1991. №4. С. 157.

Мне вспоминаются некоторые книги современных писателей о зарубежном крестьянстве: романы американской писательницы Перл Бак «Земля» и «Мать», роман американского писателя Стейнбека «Гроздь гнева». <...> А Стейнбек показывает, как источником горя и несчастья американского фермерства становится техника в руках капиталистов¹.

Положительный отзыв содержится и в «Американских впечатлениях» И. Эренбурга:

Я очень высоко ставлю американских писателей: Хемингуэя, Фолкнера, Стейнбека, Колдуэлла, некоторых других. <...> Крупные писатели – не отщепенцы, не салонные отшельники, это люди, связанные с народом, даже, если широкие читательские массы не читают их книг. Стейнбек был батраком, Фолкнер – маляром и почтальоном. Это не отщепенцы, это люди, которые выражают сокровенные чаяния своего народа, его мечту о большом сердце, которое не способны заменить никакие сверхмощные моторы².

Интересной представляется заметка о первом съезде немецких писателей, на котором, в частности, выступал «живой поджигатель войны», независимый американский писатель Ласки, говоривший о свободе слова и вставший на защиту Зощенко. О выступлении Ласки (которого писательская аудитория освистала) В. Катаев высказался следующим образом:

Мне неизвестно <...>, какие книги написал Ласки. Я знаю других американских писателей. Я знаю Эдгара По, Марка Твена, Колдуэлла, Хемингуэя, Стейнбека и многих других. Но Ласки мне совершенно неизвестен. Я думаю, что если когда-нибудь этому Ласки будет поставлен памятник, то на нем благодарные американцы напишут: «Могила неизвестного писателя»³.

Тем самым, благодаря наложению литературного контекста на политический в этом инциденте, Катаеву риторически удалось не просто поставить «проходимца» на место, но и противопоставить ему Стейнбека и других перечисленных писателей не только по их известности и силе дарования, но и по их политическим взглядам.

¹ Фиш Г. В боях за хлеб // Литературная газета. 1947. 29 марта. С. 2.

² Эренбург И. Американские впечатления // Литературная газета. 1946. 16 ноября. С. 2.

³ Первый съезд немецких писателей // Литературная газета. 1947. 11 октября. С. 4.

Тем не менее, с 1945 г. (и чем дальше, тем больше) в советской печати начинают превалировать отрицательные отзывы о Стейнбеке. Пионером этой критической линии можно считать А. Старцева¹, выступившего в 1945 г. со статьей «Литературные споры в США». В этой статье Старцев пишет о кризисе социального романа в Америке и в качестве примера приводит Стейнбека и его творчество последних лет:

Недавно вышедшая новая книга Стейнбека «Консервный ряд» – вообще вне общественной тематики; она вся под знаком скептического индивидуализма. <...> Это следующий шаг отступления на очень хорошо знакомые Стейнбеку позиции, ибо именно с них он выходил в конце 30-х годов, чтобы принять участие в создании большого американского социального романа².

Кроме того, в своей статье Старцев говорит уже не об оригинальности и самобытности авторского дара Стейнбека, как писали о том советские критики в начале 1940-х гг. применительно к «Гроздьям гнева», но, напротив, о типичности и даже посредственности его творчества, позволяющих рассматривать его в качестве «флюгера» настроений американского общества:

Мы приводим пример Стейнбека не потому, что хотим здесь сосредоточить внимание на его произведениях, а потому, что, как утверждают компетентные американские критики, творчество Стейнбека выполняет в литературе США в качестве одной из своих функций службу, сходную со службой измерительного прибора, показывающего общее состояние атмосферы. К тому же Стейнбек наделен по характеру своего дарования малой сопротивляемостью. Он последним взбирается в гору и первым спускается под гору. «Гроздья гнева» как бы завершали развитие американского социально-го романа 30-х годов не потому, что книга была лучшей из всех, но потому,

¹ Судьба автора этой статьи, доктора филологических наук А.И. Старцева, в контексте исследуемой темы весьма показательна. В 1947 году был разгромлен только что вышедший первый том академической «Истории американской литературы», выполненный в ИМЛИ АН СССР под его редакцией. Впоследствии Старцев по обвинению в антисоветской пропаганде был осужден и выслан в лагерь, а второй запланированный том «Истории американской литературы» так и не вышел. См.: *Панов С.И., Панова О.Ю.* «История американской литературы» в советской Академии наук // Литература двух Америк. 2016. № 1. С. 194–242; 2017. № 2. С. 252–372.

² *Старцев А.* Литературные споры в США // Литературная газета. 1945. 11 августа. С. 2.

что она вобрала в себя опыт многих предшествовавших ей и была наиболее типической и итоговой. Сейчас новая книга Стейнбека, сама по себе не имеющая сколько-нибудь выдающегося значения и не «делающая погоду», по-видимому, сигнализирует о новых сдвигах в американской литературе¹.

В целом, советская печать 1945–1947-х гг. не только подвергла критике последние книги Стейнбека («Консервный ряд» (1945), «Заблудившийся автобус» (1947)), но и пересмотрела уже вышедшие и ранее «одобренные» в СССР произведения Стейнбека, например, упомянутую в негативном тоне Старцевым повесть «Луна зашла»:

Фашизм, с одной стороны, и буржуазная демократия, с другой, представлены в повести как некие абсолютные силы зла и добра; манекенчики, выполняющие роль персонажей, произносят положенные им тирады в этом смысле. В искренности антифашистских взглядов автора не приходится сомневаться, и книга не лишена некоторых художественных достоинств, но неискушенный читатель может подумать, что повесть написана другим Стейнбеком, однофамильцем автора «Гроздьев гнева»².

Или, к примеру, Е. Гальперина в статье «О добротности критики», иллюстрируя оплошности отдельных советских рецензентов, в частности Т.Ю. Хмельницкой, пишет о «путанном и либеральном демократизме романа «Луна зашла» Стейнбека», который никак нельзя было равнять с «действительно ясной и простой точкой зрения Олдриджа, защищающего последовательно демократические идеи»³.

М. Мендельсон в статье «Страусовая утопия», представляющей собой рецензию на «Консервный ряд», также отдельно отмечает две книги, написанные Стейнбеком во время войны («Луна зашла» и «Бомбы вниз»), из которых ни одна «не удовлетворила тех читателей, которые ожидали от автора «Гроздьев гнева» глубокого проникновения в проблему борьбы с фашизмом»⁴.

¹ Там же.

² Там же.

³ *Гальперина Е.* О добротности критики // Литературная газета. 1946. 28 сентября. С. 2

⁴ *Мендельсон М.* Страусовая утопия // Литературная газета. 1947. 12 апреля. С. 4.

Рецепция романов Стейнбека в СССР второй половины 1940-х гг.

«*Консервный ряд*» (1945). В начале 1945 г. на американских прилавках появилась новая книга Стейнбека «*Консервный ряд*», которая мгновенно была раскуплена и, так же, как и «*Луна зашла*», встретила достаточно прохладный прием у критиков¹. По словам С. Иванько,

сам писатель считал, что «*Консервный ряд*» подвергся «жесточкому избиению со стороны критиков, они зашли слишком далеко». Критики упрекали писателя в том, что он не создал ничего нового, а просто повторяет ситуации и характеры, уже хорошо известные по повести «*Квартал Тортилья-Флэт*»².

В феврале 1945 г. референт Иностранной комиссии Союза советских писателей Н. Камионская сделала подборку американских статей, в которую вошли две рецензии “*New York Times Book Review*” и “*Newsweek*” на «*Консервный ряд*» Стейнбека.

Автор первой статьи, американский литературовед левых социалистических взглядов Ф. О. Матиссен³ оценивает повесть крайне негативно:

Сюжет так же прост, как сценарии фильма для подростков, совершенно непонятно, зачем Стейнбеку понадобилось напечатать эту вещь на настоящем этапе своего писательского пути. <...> Живой фольклор был одним из самых привлекательных элементов «*Гроздьев гнева*», в данной же книге его оттесняет на задний план процессия благородных «сынов природы» и мадам с золотыми сердцами – хозяек борделей⁴.

¹ См. статьи: *The Bowery of Monterey* // *Time*. 1945. January 1. P. 62; *Prescott O. Books of the Times* // *New York Times*. 1945. January 2. P. 17; *Tobin J.E. Cannery Row* // *Best Sellers*. 1945. January 2. P. 191–192; *Cowley M. Steinbeck Delivers a Mixture of Farce and Freud* // *Pictures Magazine*. 1945. January 14. P. 15; *Hampson J. Cannery Row* // *Spectator*. 1945. November 2. P. 418–420; *Walton E. Cannery Row* // *Tomorrow*. 1945. March. P. 77–78 и др.

² Иванько С.С. Джон Стейнбек. // Стейнбек Дж. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 35. (Библиотека «Огонек»). С. 35.

³ *Mathiessen F.O. Review of Cannery Row* // *New York Times Book Review*. 1944. December 31. P. 1.

Подробнее см.: *Гиленсон Б.А. Матиссен* // *Краткая литературная энциклопедия*: В 9 т. Т. 4. М.: Сов. энцикл., 1967. С. 687.

⁴ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1101. Л. 40.

Статья “Newsweek”¹, на которую ссылается рецензент Иностранной комиссии ССП, оценивает новую книгу Стейнбека более благожелательно, хотя также не скрывает налета разочарования:

У повести нет никакой морали, кроме той, какую Стейнбек провозгласил еще прежде, а именно – дикие бродяги и никчемные парни могут стать большими философами. Стейнбек не интересуется их побуждениями. Он не спрашивает, как в «Гроздьях гнева», почему эти люди такие, какие они есть. Некоторых читателей, может быть, и не удовлетворит такое некритическое отношение к ситуации, но Стейнбек снова доказывает, что он остается большим художником, даже если он и не пытается преобразовать мир².

Отношение советской критики к «Консервному ряду», в целом, было также резко негативным. Авторы упомянутых выше статей А. Старцев и М. Мендельсон были одинаково удивлены выходом в конце войны этого столь резко отличного от «Гроздьев гнева» и своей по тематике, и по стилистике произведения и строили предположения, с чем это могло быть связано. Особенно интересна в этом отношении статья Старцева, написанная в августе 1945 г. и во многом предвосхищающая разгромные рецензии и статьи об американской литературе, которыми будет заполнена советская печать в годы холодной войны.

В своей рецензии Старцев пишет об общем для Америки кризисе жанра социального романа и приводит в пример высказывания американских критиков Ван Вик Брукса³ и Бернарда де Вото⁴, которые с разных позиций подвергают острой критике «негативизм и пессимистическую направленность новейшей западной литературы» и призывают американских писателей к созданию «оптимистического и утверждающего национального искусства» – называемого де Вото «“подлинным американизмом”», иначе говоря – признанию американского общественного устройства конечным социальным идеалом, в духе идей этого рода, господствовавших в США в первой половине XIX века и питавшихся еще более ранними пережитками эпохи бур-

¹ Steinbeck Straight. Review of Cannery Row // Newsweek. 1945. January 1. P. 78–79.

² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1101. Л. 42–43.

³ См. *Гиленсон Б.А.* Брукс // Краткая литературная энциклопедия. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1962. С. 749.

⁴ См. *Орлова Р. Д.* Де Вото // Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1964. С. 551–552.

жуазной революции»¹. Критика, с одной стороны, пессимизма американских писателей, которая впоследствии в разные годы будет звучать применительно к книгам Стейнбека «Заблудившийся автобус», «Жемчужина», «К востоку от рая» (как и к книгам других авторов, например, к повести Хемингуэя «Старик и море»), а также стремления «американских империалистов» представить свой тип демократии единственным и лучшим – с другой, на долгие годы станет в советской прессе общим местом.

Старцев отмечает тревожные симптомы того, что в послевоенной Америке «многие из писателей покинут поле социального романа и уйдут в так называемую «башню из слоновой кости». Об этом, видимо, и говорит последняя книга Стейнбека»².

К этому же выводу приходит и М. Мендельсон в своей оценке «Консервного ряда»:

Маку и его друзьям мир буржуазных отношений не по душе, но, будучи бесконечно далекими от мысли о возможности или желательности борьбы против него, они просто умывают руки и стараются предельно ограничить свои связи с действительностью. Они поворачиваются спиной к жизни, притворяясь, что ничего не замечают. Вот основа той «страусовой» утопии, которую рисует Стейнбек в своей последней повести. Объективно книга проповедует «эскейпизм» – бегство от жизни с ее труднейшими проблемами послевоенного периода³.

Рецензент отмечает, что в «Консервном ряду» автор, предельно дистанцируясь от социальной проблематики «Гроздьев гнева», от реальной жизни и «от принимающей все более острые формы борьбы сил реакции и демократии»⁴, в то же время возвращается к мотивам своей ранней книги «Квартал Тортилья-Флэт», с тем отличием, что трагический финал первой книги свидетельствовал об иллюзорности и недолговечности существования подобных беспечных братств, тогда как в новом романе Стейнбек, напротив, сообщает этому далекому от реальности миру оттенок образцовости и постоянства, что советскому критику в современных условиях представляется невозможным.

¹ Старцев А. Литературные споры в США. С. 2.

² Там же.

³ Мендельсон М. Страусовая утопия. С. 4.

⁴ Там же.

И единственный выход для американского автора он видит лишь в возвращении к «критическому реализму» истории Джоудов.

Другие советские авторы также зачастую прибегали именно к этому роману Стейнбека, чтобы показать всю «глубину падения» современной американской литературы после Второй мировой войны. Например, журналист «Правды» С. Кафтанов в статье «Разложение буржуазной культуры», пишет:

Атмосфера, пропитанная ядом реакционных идей империализма, нередко отравляет и отдельных, в прошлом прогрессивных писателей. <...> В книге «Консервный ряд» Стейнбек изображает люмпен-пролетариев американского города. В его описании – это люди, примирившиеся со своей судьбой. Лживая идея классово-гармонии, с помощью которой империализм пытается отвлечь массы от классово-борьбы, пронизывает всю эту книгу¹.

Эта линия продолжается и в период «оттепели»: например, в 1958 г. автор статьи с выразительным заглавием «О второсортности» Б. Изаков связывает писательскую неудачу стейнбековского «Консервного ряда» с «коммерческим интересом издательских монополий»:

Возьмем, к примеру, одного из самых известных писателей в США – Джона Стейнбека. Его перу принадлежат такие книги большого таланта, как «Гроздь гнева», «Жемчужина». Но наряду с этим он выпустил на потребу книжному рынку вполне второсортные романы из серии «Консервного ряда»: в них он рисует в розовых, идиллических тонах жизнь американского «дна» – на этом странном «дне» копошатся сентиментальные, бродяги и добродетельные проститутки, а в ночлежке и публичном доме царит христианская мораль. Не мудрено, что Голливуд с восторгом занялся экранизацией такой пародии на жизнь².

«Заблудившийся автобус» (1947). Следующий, вышедший в 1947 г., большой роман Стейнбека «Заблудившийся автобус» (“The Wayward Bus”) как раз формально принадлежал к жанру «социального романа». В этом произведении Стейнбек оказался предельно далек от принципов «эскапизма», в котором его обвиняли советские критики, его «Заблу-

¹ Кафтанов С. Разложение буржуазной культуры // Правда. 1948. 25 июля. С. 3.

² Изаков Б. О второсортности // Литературная газета. 1958. 4 сентября. С. 3.

дившийся автобус», напротив, был обращен к действительности лицом и вскрывал пороки и язвы Америки.

В США, по мнению Дж. Бенсона, на новый роман Стейнбека последовали разные и «взаимоисключающие» отзывы¹. Например, рецензент “New York Herald Tribune Books” Де Вото положительно отметил совершенно «несентиментальный» характер книги и разворот Стейнбека «от изображения милых никчемностей, которыми в последнее время был увлечен»². В противовес ему, Бен Рэй Редмен из “American Mercury” счел недостатком книги как раз отсутствие в ней «сентиментальной теплоты и эмоциональной вовлеченности»³, которые присутствовали в других произведениях писателя.

В мае 1947 г. Иностранная комиссия Союза советских писателей сделала обзор американских рецензий на эту книгу: в подборку вошли статьи из “Time”⁴ и “New York Herald Tribune Books”⁵. Внимание советского референта привлекает в основном анализ слабых сторон романа, отмеченных американской прессой.

Так, в реферате статьи “Time” сотрудник Иностранной комиссии ССП концентрирует свое внимание на неутешительном вердикте, вынесенном американским журналистом роману «Заблудившемуся автобусу»:

По теме и развитию сюжета, роман является второсортным и вызывает разочарование <...> В конце книги автобус увязает в грязи под скалой, на которой виднеется полусмытая надпись: «Покайся». Что общего между этим символом раскаяния и действующими лицами Стейнбека (поглощенными своими сексуальными отношениями) – неясно. Но читатели, которым известна слава Стейнбека и его большой талант, сочтут, что у него, как у писателя, есть основания покаяться⁶.

Также, по мнению советского референта, хотя Де Вото дает более высокую оценку роману Стейнбека, не скупится на похвалы художественному мастерству писателя («его мастерство превосходно, и его

¹ *Benson J.J.* The True Adventures of John Steinbeck, Writer: A Biography. P. 593.

² *De Voto B.* John Steinbeck’s Bus Ride into the Hills // New York Herald Tribune Books. 1947. February 16. P. 2.

³ *Redman B.R.* The Case of John Steinbeck // American Mercury. 1947. May. P. 631.

⁴ Repent! // Time. 1947. February 24. P. 118–120.

⁵ *De Voto B.* John Steinbeck’s Bus Ride into the Hills. P. 1–2.

⁶ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1128. Л. 12.

проза, которая всегда прозрачна, но несколько разжижена в последних книгах, снова приобретает свою рельефность»¹), и тем не менее, он признает невысокое значение этой книги среди других произведений Стейнбека («как роман он удовлетворителен и не больше»)², выраженное разве что в возвращении ее автора на рельсы реалистического направления:

«Заблудившийся автобус» – это занятный, неглубокий роман, значение которого заключается в том, что в нем Стейнбек отказывается от довольно неприятной тенденции, которую он, видимо, начал проявлять. <...> Если эта перемена носит постоянный характер, то это весьма отрадно³.

В советской прессе об этом романе практически не сообщалось. Первое короткое упоминание о нем относится к 1951 г. – в переводной статье Дж. Кларка «Искусство в современной Америке», опубликованной в «Советском искусстве» и посвященной упадку литературы, живописи, театра и музыки в США, свидетельствующему о кризисе американского империализма. В качестве иллюстрации этого упадка в статье приводилось творчество Стейнбека последних лет – роман «Заблудившийся автобус» и пьеса «Светло горящий» (“Burning Bright”, 1950). В ней говорится следующее:

Чрезвычайно показательна судьба писателя Джона Стейнбека. Под влиянием прогрессивного движения 30-х годов Стейнбек сумел создать произведение такой большой разоблачительной силы, как роман «Гроздь гнева». Однако последующие произведения Стейнбека говорят о его деградации как писателя. В романе «Заблудившийся автобус» Стейнбек умудрился возвести непоследовательность и бесцельность в принцип и одобрил сюжет изрядной дозой сексуальности. <...> Так, подвергнутый проверке в критические времена, когда «испытываются души людей», Стейнбек ушел из настоящего искусства⁴.

Об этой же «деградации» писала в статье «Философия мистера Стейнбека» Е. Романова:

¹ Там же.

² Там же. Л. 13.

³ Там же. Л. 13–14.

⁴ Кларк Дж. Искусство в современной Америке // Советское искусство. 1951. 6 января. С. 4.

Л. И. Казакова (Жданова)

Последующие произведения Стейнбека (после «Гроздьев гнева» – прим. Л.Ж-К.), вроде книги «Заблудившийся автобус» или пьесы «Горящий ярко», не раз вызвали чувство законного недоумения, досады и горечи по поводу того, как низко может пасть писатель, сумевший в свое время с большой силой воспроизвести увиденное им в жизни¹.

Таким образом, тенденциозность и однобокость этих высказываний о послевоенных романах Стейнбека наглядно демонстрируют работу механизма антиамериканской пропаганды, рассматривавшей произведения американской литературы исключительно как иллюстрацию всестороннего упадка и деградации «империалистической» Америки, которые распространились на творчество даже такого в прошлом талантливой автора, как Стейнбек.

Поездка в СССР и «Русский дневник» (1947–1948)

Замысел «русской» книги и поездки в Россию. В 1947 г. произошло событие, напрямую связавшее Стейнбека с СССР: поездка писателя вместе с фотокорреспондентом Робертом Капой в Советский Союз, описанная ими в книге «Русский дневник» (“A Russian Journal”), опубликованной в США в 1948 г.

О возникновении замысла этой книги и поездки в СССР, послужившей для нее основой, Стейнбек пишет в «Русском дневнике»:

Ежедневно в газетах появляются тысячи слов о России. О чем думает Сталин, что планирует русский генштаб, где дислоцированы русские войска, как идут эксперименты с атомной бомбой и управляемыми ракетами, и все это пишут люди, которые в России не были, а их источники информации далеко не безупречны. И нам вдруг пришло в голову, что в России есть много такого, о чем вообще не пишут, и именно это интересовало нас больше всего. Что там люди носят? <...> Ведь существует же у русского народа частная жизнь, но о ней нигде не прочтешь – об этом никто не пишет и не фиксирует на фото пленке².

¹ Романова Е. «Философия» мистера Стейнбека // Литературная газета. 1954. 10 июля. С. 4.

² Стейнбек Дж. Русский дневник. М.: Мысль, 1989. С. 8.

Из первой главы «Русского дневника» также следует, что мысль о написании книги, которая дала бы ответ на эти вопросы и показала бы частную жизнь советского народа, возникла совершенно случайно – из разговора, произошедшего в конце марта 1947 г. со случайно зашедшим в бар отеля «Бедфорд» Робертом Капой. Однако в действительности идея создания произведения, способного показать жизнь советских людей изнутри, сложилась у Стейнбека еще до войны. Об этом свидетельствует письмо Стейнбека от 22 февраля 1939 г. ответственному редактору журнала «Интернациональная литература» Т.А. Рокотову. Отвечая на вопрос о развитии культурных связей между СССР и США и искажении буржуазной прессой информации о жизни в СССР, американский писатель заявил следующее:

Когда я начинаю думать о современном общем культурном обмене, я прихожу в недоумение. Я знаю, что в России читают некоторых американских писателей – Лондона, Синклера, Хемингуэя, Драйзера. Но что касается того, что идет из России в Америку, тут полная путаница. В США множество людей всю свою информацию о Советском Союзе черпают из яро антисоветских источников. Херстовские газеты ежедневно печатают всевозможные вымыслы, ложь с начала до конца; такие реакционные группы, как Комитет Дайеса, все социальные и экономические беды в мире приписывают деятельности коммунистов. <...> Мы не знаем, как живут обыкновенные русские люди, как они радуются, какие у них существуют препятствия к их счастью. Мы знаем, например, кое-что о вредительстве, но ни один писатель не показал нам такой важной вещи, что чувствовал народ, а это очень важно. <...> Нам нужна книга, которая рассказала бы нам о том, что у вас люди любят и что они ненавидят. Мы должны знать вас как людей, а не как идеи, а это мог бы осуществить русский писатель, обладающий чувством юмора и пониманием¹.

Итак, по версии самого Стейнбека, поскольку, несмотря на прошедшие 8 лет и Вторую мировую войну, реалии, о которых он еще до войны писал Рокотову, остались теми же, и 1947-м, как и в 1939-м, американцы испытывали дефицит объективной и надежной информации о том, что «любят и чувствуют русские люди», ему пришлось взяться за восполнение этого пробела, не дождавшись подобной информативной и объективной книги с советской стороны.

¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1058. Л. 2–3.

Существует, впрочем, и другая версия причин и целей этой поездки. В монографии Брайана Кеннерда «Стейнбек: гражданин-шпион. Неизвестная история отношений Стейнбека и ЦРУ» (2013)¹ высказано предположение о том, что сотрудничество писателя с разведкой (первые документальные свидетельства которого относятся к 1952 г.) началось как раз в связи с поездкой в СССР в 1947 г. – и подозрения принимающей советской стороны, воспринимавшей фотоаппарат как орудие шпионажа, а интерес к производственной статистике как «сбор данных» были отнюдь не беспочвенны – в условиях начавшейся холодной войны.

Деятельность ВОКС по организации поездки Стейнбека и Капы в СССР. Возобновлению интереса писателя к частной жизни русского народа дал импульс рост напряженности на международной арене и стремительное ухудшение отношений двух сверхдержав, бывших союзников, а теперь соперников по осуществлению политической гегемонии в мире. В этот переломный внутренне- и внешнеполитический момент истории в страну приезжают американцы, желающие написать «честную книгу» об увиденном. Ответственность за прием Стейнбека и Капы в СССР легла на американский отдел ВОКС – Всесоюзного общества культурной связи с заграницей, среди основных задач которого на 1947 год значилось: «вести активную наступательную пропаганду против идеологии американских реакционных кругов, разоблачать поджигателей войны, разоблачать антисоветских клеветников»². В течение двух неполных месяцев с американцами работали зам. председателя ВОКС А.В. Караганов, зав. американским отделом И.Д. Хмарский, младший референт американского отдела С.Г. Литвинова («Светлана», прозванная американцами “Sweet Lana”), зам. председателя УОКС А.И. Полторацкий, председатель ГОКС Н.М. Микава и др.

О том, как воспринимался ими этот «подарок» судьбы, пишет в своих воспоминаниях сорок лет спустя И.Д. Хмарский – один из главных персонажей «Русского дневника», который пробыл с американцами в СССР большую часть времени:

Сейчас все это выглядит по меньшей мере странным: казалось бы, соперничество между Союзом писателей и ВОКСом должно было идти как раз за право принять у себя известного во всем читающем мире американского

¹ Kannard B. Steinbeck: Citizen Spy. The Untold Story of John Steinbeck and the CIA. Nashville, TN: Grave Distractions Publications, 2013.

² ГА РФ. Ф. 5283. С.2. Оп. 22с. Ед. хр. 19. Л. 15.

романиста, но в 40-е годы существовала своя логика и свои представления о том, что такое хорошо и что такое плохо. Начать хотя бы с того, что все зарубежные визитеры классифицировались в верхах по трем главным политическим категориям: друзья Советского Союза, нейтралы и чужаки. Оттенки обычно в расчет не принимались. Стейнбек в этом смысле для руководящих товарищей был фигурой довольно размытой. <...> А вдруг он выкинет какой-нибудь политический фортель, как это сделал в свое время Андре Жид <...>?

– Надо будет его как следует прошупать, – напомнил мне ВэЭс (Владимир Семенович Кеменов, председатель ВОКСа – *Л.Ж.*). – Говорят, он после «Гроздьев гнева» качнулся вправо. В общем, не поддавайтесь гипнозу имени, а последовательно отстаивайте нашу линию на разоблачение американского империализма и зачинщиков холодной войны¹.

В соответствии с правилами, сложившимися еще в 1920-е гг., курировавшие гостей в разных городах сотрудники ВОКС регулярно составляли отчеты в виде докладных записок и дневников, а также вели записи проведенных с американцами разговоров и интервью. Все эти материалы своевременно направлялись в высшие инстанции, в первую очередь в МИД СССР (зам. министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому, зам. министра иностранных дел СССР Я.А. Малику, зав. отделом США МИД СССР Ф.Т. Орехову, зав. отделом печати МИД СССР В.С. Василенко, зам. заведующего отделом США НКВД–МИД СССР В.И. Базыкину) и в ЦК ВКП(б) (зам. заведующего отделом ЦК ВКП(б) Л.С. Баранову). Таким образом, Стейнбек и Капа, приехавшие в СССР наблюдать жизнь советских людей, сами оказались под наблюдением².

За полтора месяца Стейнбек и Капа посетили Москву, Киев, Сталинград, Тбилиси, Батуми, осмотрели украинские колхозы, хлебзавод, сталинградский тракторный завод (который им, впрочем, запретили фотографировать), пообщались с советскими писателями – К.С. Симоновым, И.Г. Эренбургом, В.П. Катаевым, А.Е. Корнейчуком, В.Л. Василевской и др., увидели празднование 800-летия Москвы и многое другое.

Результаты «русской» поездки Стейнбека и его отношение к СССР. В целом, исходя из написанного Стейнбеком в «Русском дневнике», работу сотрудников ВОКС в этой поездке можно назвать успеш-

¹ *Хмарский И.Д.* Месяц с Джоном Стейнбеком. С. 157.

² Корпус материалов сотрудников ВОКС собран в книге: *Жданова Л.И.* «Русский дневник» Джона Стейнбека в советской оптике: публикация материалов фондов спецотдела ВОКСа Государственного архива РФ. М.: Издательские решения, 2016.

ной. Они смогли, особенно в гостеприимных украинских колхозах и в названной Стейнбеком «советским раем» Грузии расположить американцев к советскому народу, показать, несмотря на «атомную лихорадку» того времени, миролюбивые настроения советских людей. Более того, в каких-то местах им удалось усыпить бдительность двух опытных журналистов, продемонстрировав им то, что нужно было показать, а не то, что было на самом деле: так, за обильнейшими переменами блюд, которыми американцев потчевали в украинских колхозах, Стейнбеку оказалось сложно поверить в голод на Украине – т.н. «третий голодомор», в результате которого в СССР в 1946–1947 гг. погибли сотни тысяч людей, а после лицемерия роскошного патриаршего богослужения в Грузии – говорить о притеснении религии в СССР.

С другой стороны, тонким художественным чутьем Стейнбеку удалось уловить те вещи, которые от него пытались скрыть или которые не могли заметить его советские провожатые, например, витающую в воздухе тревогу и боязнь контактов с иностранцами на улицах Москвы (причиной тому, в частности, являлись многочисленные «суды чести», следовавшие после «дела КР») или отмеченный в «Русском дневнике» культ Сталина в СССР (за десятилетие до возникновения и широко распространения этого термина в стране)¹.

Другим ярким примером, говорящим о проницательности Стейнбека в отношении советской действительности, стала критика им одной из известнейших советских пьес того времени – «Русский вопрос» Симонова, шедшей одновременно в пяти основных столичных театрах. Сюжет этой пьесы крайне напоминал его собственное положение в СССР – американского журналиста, пишущего книгу о советской России. По словам Стейнбека, это была не самая хорошая пьеса, «на каком бы языке она не шла», ее герои не говорят и не ведут себя, как американцы, а американские издатели не имеют такой огромной власти, как то было представлено в пьесе, и не подчиняются ничьим приказам сверху². Чтобы показать всю нелепость представленной в пьесе картины, Стейнбек придумал «перевертыш» – историю о поездке русского

¹ В «Русском дневнике» Стейнбек пишет об этом: «Во всей истории нет человека, кого бы так почитали при его жизни. В этом отношении можно разве что вспомнить Августа Цезаря, но мы сомневаемся, имел ли Август Цезарь при жизни такой престиж, поклонение и богоподобную власть над народом, какой обладает Сталин. То, что говорит Сталин, является для народа истиной, даже если это противоречит естественным законам...» (*Стейнбек Дж. Русский дневник. С. 110*).

² Там же. С. 75.

писателя Симонова в США, который внезапно обнаруживает, что Америка не являет собой пример «загнивающей западной демократии», по возвращении на родину пишет об этом статью и автоматически теряет членство в Союзе писателей, загородный дом, жену и умирает от голода. Своим советским собеседникам Стейнбек комментировал анекдотичность этого сюжета следующим образом:

Если вы находите это смешным, то это не смешнее, чем пьеса Симонова «Русский вопрос» об Америке. Обе пьесы по одинаковым причинам одинаково плохи¹.

Однако, после непридуманных гонений на А.А. Ахматову и М.М. Зощенко в 1946 г. и совсем недавно произошедшего разбора «дела КР», история, придуманная Стейнбеком, на самом деле не могла показаться особенно смешной ни Симонову, ни другим советских знакомым американского писателя².

Тем не менее, несмотря на критику отдельных сторон советской жизни в «Русском дневнике», и в многочисленных разговорах с советскими людьми, те же страницы «дневников» сотрудников ВОКСа убедительным образом показывают, что Стейнбек и Капа пытались во многом идти навстречу принимающей стороне, писать об СССР как можно лояльнее. Это видно и по многократно провозглашенной на различных встречах с советскими людьми цели их приезда – «служить мостом взаимопонимания между двумя странами»³, наладить контакты, взаимный обмен людьми между двумя странами между США и СССР, и по «Русскому дневнику», в котором злоключения американцев, их сражения

¹ Там же.

² Автор многотомного историко-литературного труда «Сталин и писатели» Б.М. Сарнов в главе о К.М. Симонове комментирует этот эпизод следующим образом: «Своей пародией на «Русский вопрос» Стейнбек и Капа хотели обнажить, наглядно продемонстрировать нереальность, нелепость, абсурдность основной коллизии этой симоновской пьесы. Но то, что в приложении к Америке им представлялось абсурдом, в приложении к российской, советской действительности обернулось наиболее реальной реальностью. Мыслимое ли это дело – хотели они сказать этой своей пародией, – чтобы журналист или писатель, написавший не ту книгу, какая была ему заказана, был подвергнут остракизму, фактическому запрету на профессию и даже обречен на нищенское, голодное существование? Смешно! Но в Советском Союзе такое было не то что возможно, а ТОЛЬКО ТАК И БЫВАЛО». (Сарнов Б.М. Сталин и писатели. Кн. 4. М.: Эксмо, 2011. С. 974).

³ ГА РФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 26. Л. 176.

с советскими бюрократическими препонами поданы в юмористическом свете и много внимания уделено хорошим положительным чертам советских людей – их трудолюбию, сплоченности, способности веселиться среди всех трудностей по восстановлению городов после всех пережитых во время войны бед.

Вместе с тем, отрицательные черты, отмеченные Стейнбеком в «Русском дневнике», – критика культа Сталина, бюрократизма, манеры чиновников перекладывать ответственность на вышестоящих по рангу, а не принимать решение самостоятельно, описание царских покоев Кремля, о которых Стейнбек пишет как о «самом мрачном месте в мире» («нетрудно себе представить, как легко решиться здесь на убийство, как отец мог убить сына, а сын – отца и как реальная жизнь за пределами дворца становилась такой отдаленной, что казалась несуществующей» – пишет Стейнбек в «Русском дневнике»¹, не принимая в расчет, каких бюрократических трудностей стоила ВОКС организация посещения Кремля иностранцами) – говорят о внутреннем отношении писателя к СССР, его пока еще скрытой неприязни к диктатуре советской власти, которая будет усугубляться в нем с годами.

Отношение к Стейнбеку советской стороны. В то же время при близком рассмотрении Стейнбек оказался вовсе не таким, каким он представлялся в СССР после публикации в советской прессе романа «Гроздь гнева». Записи сотрудников ВОКС, сопровождающих американцев в поездке, пестрят неожиданными открытиями о характере прославленного писателя, среди которых стоит упомянуть следующие наиболее важные замечания.

Во-первых, Стейнбек не приветствовал любые упоминания о его самой известной в СССР книге – «Гроздь гнева», показывая, что написанное в этом произведении – это вчерашний день, в настоящий момент совершенно ему чуждый и неинтересный. Так из разговора с писателем зам. председателя УОКС А.И. Полторацкий сделал следующее заключение:

О своем творчестве Стейнбек говорит сухо. Очень недоволен, когда ему напоминают о большом успехе «Гроздь гнева» – он дает понять, что это был эпизод из жизни Америки, который кончился. Сейчас его интересуют другие более современные темы².

¹ Стейнбек Дж. Русский дневник. С. 138.

² ГА РФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 26. Л. 182.

Во-вторых, известный американский писатель показал удивительную для сотрудников ВОКС неосведомленность в вопросе современной американской литературы и также не разбирался ни в классической мировой литературе, ни в философии, и при разговоре с советскими людьми всячески уклонялся от этих литературных тем:

Из беседы со Стейнбеком я вынес впечатление, что он почти совершенно не знаком с русской классической и советской литературой¹.

Я спросил Стейнбека, какой философской системы он придерживается: материализма или идеализма. «Никакой», – ответил Стейнбек. Он обнаружил слабое знание элементарных философских категорий и, в частности, не представляет себе разницы между идеализмом как философской системой и идеалом².

Утром состоялась беседа грузинских писателей под руководством т. Чиковани со Стейнбеком... Стейнбека познакомили вкратце с историей грузинской литературы и затем начали задавать вопросы:

– Каковы основные направления в современной американской литературе?

Стейнбек тихо сказал мне: «Я не знаю», затем посмотрел на Капу. Капа ответил вместо Стейнбека, что в настоящее время невозможно определить течения, как нельзя было сделать это в начале века, когда начинали свою деятельность такие писатели, как Драйзер. Такая возможность появится позже³.

В-третьих, Стейнбек стремился видеть жизнь советского народа, его трудов, радостей и забот вне контекста его взаимоотношений с советским правительством и партией. Так, например, после осмотра Партизанской выставки в Киеве Хмарский заключил: «Стейнбек и Капа смотрели выставку с рассеянным и равнодушным видом людей, которым наперед известно, что им скажут. Из предыдущих бесед, реплик и всего поведения Стейнбека и Капы можно заключить, что все, связанное с темой защиты родины, с патриотизмом, они рассматривают как советскую пропаганду»⁴.

¹ ГА РФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 21. Л. 158.

² Там же. Л. 170.

³ Там же. Л. 179.

⁴ Там же. Л. 158.

Кроме того, Стейнбек, нисколько не стесняясь, выдал несколько нелицеприятных комментариев в отношении важных в СССР лиц, крупнейших прогрессивных писателей Америки и Европы и прогрессивных деятелей: членов американской компартии (которую он назвал «сектой»), Т. Драйзера (который, по его словам, «недостаточно владел английским»), Э. Синклера (который, «подобно Симонову, начал писать слишком много. <...> Это отразилось отрицательно на качестве»), С. Льюиса («плохой писатель и чем дальше, тем пишет хуже»), М. Голда («когда-то это был способный, умный писатель, а сейчас превратился в фанатика-коммуниста, пишет монотонные, скучные и бездарные статьи и его в Америке забыли»), Э. Рузвельте («дурак, который написал глупую книгу. Эллиот ничуть не похож на своего отца и никаким авторитетом в США не пользуется») и других. Все эти и другие замечания после опубликования Стейнбеком в “New York Herald Tribune” статей о поездке в СССР будут собраны И.Д. Хмарским и направлены на рассмотрение главному редактору «Литературной газеты» В.В. Ермилову¹.

Критика «Русского дневника» в США и СССР (март–апрель 1948). «Русский дневник» был опубликован в США в апреле 1948 г. Однако вопреки ожиданиям Стейнбек и Капа практически не услышали в адрес своей книги ни ожесточенной критики, ни большого одобрения. Отзывы, последовавшие на эту книгу, были краткими и по большей части – нейтральными. По мнению профессора П. Полинни, «Русский дневник» оказался едва ли не «единственной книгой Стейнбека, которую игнорировали. Ее не заметили. Хотя после ее выхода появились две–три похвальных рецензии, остальные рецензии были скептические. Большинство читателей даже не знают, что Стейнбек написал книгу о России»².

Некоторая часть американской критики положительно отозвалась о замысле и художественном воплощении «Русского дневника», сфокусировавшего свое внимание на показе частной жизни русского народа. Так, Ориана Аткинсон в “New York Times Book Review” назвала репортажную работу Стейнбека и Капы великолепной³, рецензент “Los Angeles Times” Бен Клэр также отметил, что «Русский дневник» дает хорошее представление

¹ ГА РФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 81. Л. 189–191.

² *Тольц В.С.* Три дневника. По маршруту Стейнбека полвека спустя [Электронный ресурс]. <https://noblit.ru/node/1476>.

³ *Atkinson O.* John Steinbeck, and Robert Capa, Record a Russian Journey // New York Times Book Review. 1948. May 9. P. 3.

о русских, живущих в руинах и все же способных улыбаться в своих разрушенных нацистами городах и деревнях, восстанавливающих свои дома, общественные здания и многоэтажные строения, работающих бок о бок в миллионы рук, чтобы взрастить и собрать урожаи, заново насадить сожженные нацистами фруктовые сады...¹.

Ричард Уоттс-мл. из “New Republic” добавил, что

сегодня представляется особенно важным достичь эмоционального понимания русских как людей, не слишком отличных от нас, и книга Стейнбека на свой скромный лад вносит свою лепту в достижение именно этого типа понимания².

Однако немало было и скептических оценок травелога Стейнбека. Орвилл Прескотт из “New York Times”, оценив легкий приятный стиль Стейнбека и его «политическую сдержанность» в качестве основных достоинств книги, заявил, что «Русский дневник» «гораздо лучше большинства других книг о России, но куда более поверхностен, чем многие из них»³. А согласно мнению Луиса Фишера из “Saturday Review”, новая книга Стейнбека не является ни «прорусской», ни «антирусской», вообще не является достаточно «русской». Автор статьи пишет, что в книге «больше места отведено описанию рациона, того, что ел и пил Стейнбек, и его подтруниваем над Капой, чем каким-либо аспектам советской жизни», – и заключает:

«Русский дневник» – это не портрет русских людей. Это в большей степени портрет американского художника, примерившего на себя роль полицейского репортера в полицейском государстве⁴.

По словам писателя и публициста В.В. Большакова, обещание Стейнбека и Капы написать «честный репортаж без комментариев, без выводов о том, что мы недостаточно хорошо знаем, и без раздражения на бюрократические препоны», которое они с успехом выполнили в своей книге, как раз

¹ *Clare B.* Iron Curtain Penetrated by Steinbeck // Los Angeles Times. 1948. April 18. P. 3.

² *Watts R. Jr.* The Eye of the Observer // New Republic. 1948. April 19. P. 22–23.

³ *Prescott O.* Books of the Times. // New York Times. 1948. April 16. P. 21.

⁴ *Fischer L.* Conducted USSR Tour // Saturday Review. 1948. May 15. P. 13–14.

стало причиной того, что судьба «Русского дневника» оказалась не самой счастливой. Скрупулезно точный репортаж Стейнбека о Советском Союзе не понравился ни в России, ни в Америке. Для тогдашнего СССР «Русский дневник» был пугающе реален, для тогдашних США недостаточно анти-советским. <...> Официальная советская критика охарактеризовала «Русский дневник» Стейнбека как «низкопробный памфлет с клеветой на нашу действительность»¹.

Но в целом, советская пресса выход порочащей Советский Союз «русской книги» Стейнбека замалчивала. Сопровождавшая писателя в его поездке в СССР сотрудница ВОКС С.Г. Литвинова в беседе с В.С. Тольцем спустя 50 лет сообщила:

Книжка пришла к нам, он прислал ее, прислал мне. И эту книжку поставили в шестигранник² и убрали ее. И я ее получила уже тайком, она у меня лежит уже без его подписи. А так где-то она в Главлите, где она сейчас – я не знаю...³

Все же, по словам Литвиновой, реакция сотрудников ВОКСа на эту книгу, в целом, была положительной:

...хотя в шестигранник поставили, но в основном все положительное, и все считали, что я хорошо поработала, и Хмарский, и все остальные, все показали, что надо, и в Киеве, и в Сталинграде. Кстати сказать, я, читая эту книгу, с точки зрения тех взглядов, понимаю, что она была просоветская⁴.

Однако даже положительная оценка работы ВОКС не могла изменить отношение советских властей к «Русскому дневнику» и высказанной в нем критике культа Сталина, работы советских учреждений, советской литературы – все это, хотя и было обрисовано Стейнбеком в ироничном свете и доброжелательно по отношению к советским людям, коренным образом расходилось с политикой СССР времен холодной войны и не могло быть предано огласке. Поэтому уже после выхода в начале 1948 г. в «New York Herald Tribune» первых публикаций Стейнбека о его поезд-

¹ *Большаков В.В.* Правда о стране Советов и Соединенные Штаты Америки // Писатели США о Стране Советов. – Л.: Лениздат, 1983. С. 299.

² Шестигранник («шайба») – цензорский знак, которым отмечалась литература, ограниченная или закрытая для общего пользования, проставлялся цензором Главлита. Был введен 10 июня 1938 г.

³ *Тольц В.С.* Три дневника.

⁴ Там же.

ке с Капой в страну Советов (которые после составят отдельные главы его «Русского дневника»), в высших литературных инстанциях СССР началась подготовка «ответа» на высказывания американского писателя, который должен был выйти в «Литературной газете».

И.Д. Хмарский в письме главному редактору «Литературной газеты» В.В. Ермилову сообщил свои личные впечатления о Стейнбеке, который, по его мнению, «вел себя в СССР как в высшей степени самодовольный заурядный американец с достатком, для которого решительно все ясно, и он путешествует ради собственного удовольствия, не будучи стеснен временем», и в процессе ознакомления со страной «самые ничтожные житейские мелочи обычно поглощали гораздо больше его внимания, чем главное, что характеризует истинные достижения советского народа»¹. К примеру, Стейнбек «крайне неохотно посещал музеи и с явным отвращением относился к беседам советских людей по вопросам культуры. Но, буквально повторяя А. Жида, он уделял анекдотически большое внимание проблеме “туалетной бумаги”»².

Замечания Хмарского коснулись и политических воззрений писателя, высказанных во время поездки:

Политические взгляды Стейнбек целиком соответствуют основным тезисам официальной американской реакционной и антисоветской пропаганды. Стейнбек упрямо защищал свои реакционные взгляды, вопреки совершенно очевидным фактам. <...> Таков идейный и моральный уровень Стейнбека³.

Во время пребывания писателя в Советском Союзе у него было взято два интервью – на Украине редактором «Литературной газеты» т. Серпилиным⁴ и в Грузии журналистом ТАСС т. Свердлиным, для

¹ ГА РФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 81. Л. 190.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Из докладной записки о пребывании в Киеве американцев зампреда УОКС А.И. Полторацкого:

«Для того, чтобы иметь оружие против Стейнбека, если его устные высказывания о лояльности к советскому народу окажутся ложными – с ним было проведено интервью редактором «Литературной газеты» тов. Серпилиным. Интервью, подписанное Стейнбеком, затрагивало два основных вопроса: его отношение к виденному на Украине, где он высказывался кратко и в сдержанных тонах. Однако, он высоко оценил все виденное и заявил, что не верит в агрессивную политику советского Союза. Вторая половина касалась вопросов американской литературы». (ГА РФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 26. Л. 221).

того чтобы «прошупать настроение Стейнбека после его поездки по СССР, перед тем как устраивать его беседу с корреспондентом ТАСС в Москве»¹. Упомянутое третье интервью (только уже «Литературной газете») должно было увенчать поездку писателя и служить в качестве алиби советской стороне в случае появления «клеветнических измышлений» Стейнбека по его возвращении на родину. На этом особенно настаивал зам. председателя ВОКС А.В. Караганов:

Это интервью поможет получить от Стейнбека ряд заявлений о советском народе, которые в какой-то степени будут связывать Стейнбека, когда он приступит к опубликованию своей книги об СССР по возвращении в США².

Тем не менее, ни эти интервью, ни призванная «разоблачить антисоветские высказывания американского писателя Дж. Стейнбека в его “Русском дневнике”»³ статья А.В. Корнейчука, о которой говорит в письме В.В. Ермилову И.Д. Хмарский, ни другие материалы, напрямую свидетельствующие о поездке американского писателя в СССР, в 1947–1950-х гг. опубликованы не были.

«Разоблачение клеветы» Чаковского. Единственной публикацией, прорезавшей молчание советской прессы и всецело продемонстрировавшей ее отношение к русской поездке и книге Стейнбека, является статья А.Б. Чаковского⁴, вышедшая в «Известиях» 17 марта 1948 г. под заголовком «Разоблачение клеветы: по поводу кинофильма “Русский вопрос”». Формально эта статья представляет собой рецензию на новый фильм М. Ромма, экранизацию всесоюзно известной пьесы К.М. Симонова. Однако описанию самого фильма и мастерству исполнителей главных ролей уделено лишь несколько абзацев, обрамлявших статью (ок. 250 слов из 1500). Далее автор переходит к анализу того, что составляет, по его мнению, «силу этого фильма» – его правдивости и буквально с первых строк перемежает события фильма и события реальные, сравнивая персонаж Симонова – Гарри Смита – со Стейнбеком.

¹ ГА РФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 21. Л. 181.

² ГА РФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 26. Л. 231.

³ Там же.

⁴ Чаковский Александр Борисович (1913–1994) – советский писатель и журналист, лауреат Сталинской (1950), Ленинской (1978) и Государственной премий СССР (1983). Член Союза писателей с 1941 года. Главный редактор журнала «Иностранная литература» (1955–1963), «Литературной газеты» (1962–1988).

Чаковский в своей статье раскрывает советскому читателю «истинное лицо» американской журналистики, рассказывая об отдельных ее представителях и представляя картину их преступлений «против правды и гуманности»: о медиамагнате Херсте, в 1934 году «фактически подкупленном немецкими фашистами и получавшем от нацистов миллион марок в год», «небезызвестной профашистке» Дороти Томпсон, журналисте Дрю Пирсон, «названном Рузвельтом «профессиональным лжецом»¹ и других реальных людях – «коллегах» литературного персонажа пьесы Симонова – Гарри Смита, после чего переходит к поездке в СССР Джона Стейнбека:

Писатель Стейнбек, подобно Гарри Смигу, побывал по заданию одной из американских редакций в Советском Союзе. Он видел, как живут и трудятся советские люди. <...> Есть русская поговорка: «Чужая душа – потемки». Поэтому мы не будем размышлять над проблемами борьбы писательской совести с желанием угодить антисоветским вкусам диктаторов современной Америки и тому подобными моральными категориями применительно к душе писателя Стейнбека. Позволим себе лишь одну догадку: очевидно, по представлении в редакцию своего «Дневника» Стейнбеку не нужно было возвращать аванс, он не оказался, конечно, подобно Смигу, уволенным из числа сотрудников...²

Автор рецензии демонстративно отказывается говорить о книге Стейнбека³, сообщая, что «в “Русском дневнике” нас в данном случае интересует лишь место, относящееся к пьесе Симонова “Русский вопрос”»⁴. Чаковский последовательно разбивает все высказанные Стейнбеком претензии к «неправдивой» пьесе Симонова о камень советской пропаганды, приведя пример совершенно реальной, служащей «капиталу, богатству и власти»⁵ газеты “New York Herald Tribune”, от

---

¹ Чаковский А.Б. Разоблачение клеветы: По поводу кинофильма «Русский вопрос» // Известия. 1948. 17 марта. С. 3.

² Там же.

³ Лишь в одном месте ниже он допускает маленькую, но многозначительную ремарку: «...Разумеется, бумага, в особенности американская газетная бумага, все терпит. Но, должно быть, тысячи честных американцев – читателей «Гроздьев гнева» возмущались, читая лживый репортаж Стейнбека на страницах «Нью-Йорк геральд трибюн». (Там же).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

которой Стейнбек и Капа и приехали в СССР для создания своей «русской» книги».

Таким образом, в своей статье Чаковский, виртуозно смешивая художественную реальность и настоящую действительность, с одной стороны, уравнивает Стейнбека как журналиста и писателя с противниками литературного персонажа Гарри Смита – Мерфи, Гульдом, Макферсоном, к которым советский читатель и зритель после просмотра «Русского вопроса» испытывает глубокую неприязнь, а с другой, претворяет в жизнь сюжет симоновской пьесы, представляя реальных американцев – журналистов, издателей, писателей – такими, какими их показал Симонов, и используя в качестве аргумента реальную поездку Стейнбека и его «Русский дневник».

Стоит отметить, что «Русский вопрос» К.М. Симонова был опубликован в 1946 г. – т.е. за год до поездки Стейнбека и Капы в СССР и за два года до выхода «Русского дневника» в США в 1948 г. При этом пьеса Симонова фактически явилась выполненным в художественной форме отчетом писателя по совершенным ранее поездкам в Японию (декабрь 1945–апрель 1946) и в США (апрель 1946–июнь 1946):

Мне показалось, что рассказать о том, что я знал больше и лучше, ближе наблюдал – не столько даже в самой Америке, сколько перед этим в Японии, – о политических и нравственных проблемах, связанных с жизнью и деятельностью американской прессы, я смогу лучше в драматургической форме. Так я написал «Русский вопрос»...¹.

В этом показательном параллелизме обоих сюжетов можно увидеть, в первую очередь, способность обоих авторов тонко чувствовать и реагировать на запросы своего времени – эпохи холодной войны, а также их стремление объяснить своим соотечественникам, кто, какие люди находятся по ту сторону «линии фронта». В пьесе Симонова хорошим американцем является лишь один герой – Гарри Смит, способный ценой своей жизни поддерживать правоту советской страны, а плохими американцами – все остальные. В книге Стейнбека, напротив, весь советский народ, как в своих отдельных представителях, так в совокупности, предстает положительным персонажем, непростым для понимания, но довольно симпатичным и внушающим уважение, тогда как отрица-

---

¹ Симонов К.М. Истории тяжелая вода / сост., подгот. текста, вступ. ст. Л. Лазарева. М.: Вагриус, 2005. С. 366–367.

тельными чертами являются некоторые аспекты советского строя – от бюрократизма советских чиновников до бюстов Сталина, в пугающем количестве взиравших на американцев во всех концах страны, в которых они побывали. Однако Чаковский завершает свою статью уверенным вердиктом: пьеса Симонова сильна своей правдивостью, поскольку представляет настоящий образ Америки, а репортаж Стейнбека об СССР – лжив и, кроме того, зловреден, т.к. способствует обострению непонимания между двумя народами и «разжиганию войны»:

Джон Стейнбек пишет свои дневники в 1948 году, в дни, когда американская буржуазная пресса дошла до гималайских высот клеветы на Советский Союз, травли прогрессивных людей Америки <...> Думал ли об этом Джон Стейнбек, американский писатель, когда диктовал свой «Русский дневник»? Ведь того, о чем не знал, чего не понимал средний американский журналист Гарри Смит, не может не знать, не понимать Джон Стейнбек!..¹.

Наконец, в контексте рассмотрения темы «Стейнбек и СССР» пьеса Симонова «Русский вопрос» важна еще потому, что ее заключительные строки, финальный монолог Смита о «двух Америках» – Америке Херста и противостоящей ей Америке Линкольна и Рузвельта – фактически предсказали и озаменовали собой все последующее направление публикаций советской прессы о США и ее гражданах: лишь некоторые из них, такие же одинокие и беспомощные, как Смит, являются хорошими честными американцами, отстаивающими правду маленького человека, а другие – многочисленные гульды и макферсоны – продажными империалистическими акулами. И Стейнбек, в соответствии с отношением к нему редакционной номенклатуры СССР, чем дальше, тем больше в конце 1940-х – начале 1950-х гг. будет переходить из первой когорты во вторую.

Всемирный конгресс деятелей культуры в защиту мира (август 1948)

25–28 августа 1948 г. в польском Вроцлаве состоялся Всемирный конгресс деятелей культуры, в котором приняли участие 500 деятелей науки, литературы и искусства, среди них Пабло Пикассо, Бертольд

¹ Чаковский А.Б. Разоблачение клеветы. С. 3.

Брехт, Олдос Хаксли, Поль Элюар, Илья Эренбург, Александр Фадеев Анна Зегерс, Ирен и Фредерик Жолио-Кюри, Ян Дембовский, Поль Робсон, Пабло Неруда и др. Разговоры о возможности проведения такого конгресса звучали уже во время приезда Стейнбека в 1947 г. В частности, с американцами об этом завел речь принимавший их в Киеве писатель А.Е. Корнейчук:

Т. Корнейчук высказал мысль о том, что прогрессивные писатели всего мира должны собираться на конгресс в защиту мира.

Стейнбек начал было говорить, что такой конгресс был бы полезным, но Капа перебил его, заявив следующее: «Я боюсь за одно: понимание прогрессивного у писателей разных стран находится на различном уровне, и поэтому необходимо его вначале унифицировать».

Тов. Корнейчук ответил на это, что прогрессивные писатели всех стран хотят мира и это могло бы стать единой платформой для созыва конгресса. Стейнбек неопределенно согласился с этим. Он подчеркнул, что главное состоит в том, чтобы люди различных стран понимали друг друга, и привел такой пример. Когда он был в колхозе, один мальчишка, взглянув на него, сказал: «А американцы такие же, как и наши». «Этот мальчишка, – сказал Стейнбек, – выразился умнее всех министерств иностранных дел. Я хочу, чтобы то, что сказал маленький украинский мальчик, поняли все».

В. Василевская вставила в этом месте: «Но, чтобы этот мальчик мог спать спокойно, не боясь атомных бомб, мы с вами должны бороться против поджигателей войны»¹.

Этот разговор, приведенный И.Д. Хмарским в его дневнике, весьма показателен для определения отношения советских писателей и американских гостей к такому мероприятию, как Всемирный конгресс деятелей культуры.

Как видно из слов Корнейчука и Василевской, советская пропаганда, решительно делила население земного шара на две части: защитников мира и «поджигателей войны». При этом деление на первых и вторых производилось исключительно по политическому критерию – уровню лояльности отдельных лиц к СССР и к его внутренней и внешней политике: «друзья» Советского Союза выступали за мир и противостояли недоброжелателям СССР, «поджигателям войны, реакционерам, фашистам».

¹ ГА РФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 21. Л. 169.

Стейнбек в этом отношении, как уже было отмечено Хмарским, представлял собой «размытую» фигуру, занимающую на политической шкале срединное положение. Приведенные им слова украинского мальчика, открывшего для себя, что американцы – такие же люди, как русские и украинцы, т.е. что их общечеловеческая, биологическая общность куда более значима, чем разделяющие их политические, идеологические разногласия, выражали любимую мысль самого писателя, идею, положенную в основу его «Русского дневника» – и, соответственно, идею, кардинально расходящуюся с установками советской пропаганды.

Будучи в 1947 г. сторонником линии Уоллеса, Стейнбек стоял на позициях сохранения мира с Советским Союзом. Тем не менее, эта линия вовсе не предполагала убежденности Стейнбека в том, что «советский общественный строй является лучшей формой организации общества, чем любой несоветский общественный строй» (И.В. Сталин)¹. При всем своем интересе и нескрываемой симпатии к русскому народу советский строй Стейнбек категорически не принимал, и поездка 1947 г. не сделала его более терпимым к политике, проводимой советским правительством. Об этом свидетельствуют частные разговоры Стейнбека с советскими людьми, например, беседа с председателем ГОКСа Н.М. Микавой, в ходе которой он заявил: «Американский народ будет иметь социализм, но он никогда не будет иметь коммунизма», т.к. «он чужд характеру американца»². Накануне отъезда из СССР Капа так комментировал эту точку зрения Стейнбека: «Он (Стейнбек) считает, что все, что происходит здесь, прогрессивно для России, но что для Америки такой путь совершенно не годится»³. Данная позиция писателя при всем «прогрессивизме» его взглядов в конце 1940-х гг. вычеркивала автора «Гроздьев гнева» из списка «друзей СССР» и автоматически переносила на сторону врагов, «поджигателей войны».

Конгрессы в защиту мира, согласно «Большой советской энциклопедии»,

объединили людей доброй воли, ведущих борьбу против войны, против применения варварских средств массового уничтожения людей – атомного, бак-

¹ Сталин И.В. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа города Москвы 9 февраля 1946 г. // Кардашов В.И., Семанов С.Н. Иосиф Сталин: жизнь и наследие. М.: Новатор, 1998. С. 486.

² ГА РФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 21. Л. 180.

³ Там же. Л. 176.

териологического и химического оружия, за мирное сосуществование государств с различным социальным строем¹.

Однако на Конгрессе большое внимание было уделено обсуждению не только мирных инициатив, но и козней врагов: так, красной нитью в выступлениях делегатов Конгресса прошел эпизод с трехмесячным заключением американского писателя Говарда Фаста из-за того, что он отказался предоставить Комитету по расследованию антиамериканской деятельности список лиц, помогавших испанским антифашистам.

Один из выступающих, советский делегат Д.И. Заславский, сравнил подобное отношение Америки к «поборникам мира и демократии» с приемом в СССР Стейнбека, которому, напротив, «предоставили широкие возможности видеть все, что он пожелает»:

Мы здесь не только обменялись комплиментами <...> но и поспорили. В этом нет большой беды. Мы за идейные принципиальные споры в среде людей, борющихся за правду, ибо советские люди не боятся правды².

В речи И. Эренбурга на Конгрессе также была затронута тема Америки, но не как «тюрьмы» для своих свободолюбивых граждан, а как опасного друга-«опекуна» жителей Европы, лишаящего их знакомства с культурой и достижениями прогрессивных стран, и взамен насаждающего свою продукцию. По словам Эренбурга, «захватывая страны Западной Европы, янки несут с собой не Эйнштейна, не Стейнбека, не Фолкнера, не Фаста, не Хемингуэя, не Чаплина, а стандартные детективные романы, стандартные гангстерские фильмы»³.

Илья Эренбург, который, как и Симонов, познакомился со Стейнбеком еще во время их поездки в США в 1946 г., год спустя неоднократно встречался с ним в СССР: принимал участие во встрече писателей в доме К.М. Симонова в Переделкине, сопровождал американцев в поездке в Загорск (Сергиев Посад), участвовал в последнем прощальном ужине, организованном для Стейнбека и Капы Союзом писателей. В его материалах, опубликованных до 1947 г., как и в произведениях более позднего времени (в том числе в его книге воспоминаний 1960-х гг.

¹ Крылов Б.С. Всемирные конгрессы и конференции в защиту мира // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1969–1978. Т. 5. С. 450.

² На Всемирном конгрессе деятелей культуры в защиту мира // Известия. 1948. 29 августа. С. 4.

³ Эренбург И. Мир народам! // Правда. 1948. 12 сентября. С. 3.

«Люди, годы, жизнь»¹) помещены выбивающиеся из общего контекста выступлений советской прессы самые лояльные отзывы о Стейнбеке, где он называет его в ряду лучших американских писателей и указывает на его близость советским людям².

В марте 1950 г. на третьей сессии Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира было принято Стокгольмское воззвание о запрете использования атомного оружия. Спустя несколько дней после его обнародования Эренбург снова обратился к Стейнбеку, наравне с другими «прогрессивными» западными писателями (Эрнесту Хемингуэю, Роже Мартену де Гару, Джону Б. Пристли, Эркину Колдуэллу, Андре Шамсону, Альберто Моравиа), с призывом подписать это обращение. Это открытое письмо Эренбурга, представлявшее собой, с одной стороны, личное обращение к известным писателям с подтверждением их былых заслуг в деле защиты мира, а фактически – ультиматум, было напечатано в качестве передовицы апрельского номера «Правды» и содержало в себе следующее обращение к Стейнбеку:

Я обращаюсь к вам, Джон Стейнбек. Вы говорили мне, что нужно развеять предвоенный туман. Вы побывали недавно в нашей стране, и вы написали книгу о вашей поездке. В этой книге вы говорите, что вам не понравилась советская пьеса, изображающая американцев, которые изготавливают предвоенный туман. <...> Вы заметили (и вы об этом написали), что советский народ не хочет войны. Я полагаю, что американский народ также не хочет войны. Именно поэтому я приглашаю вас выступить против кучки людей, строящих свое благосостояние на опасной и преступной игре с атомными бомбами. Я надеюсь, что вы не уклонитесь от вашего долга³.

Стейнбек, никак не отреагировав на призыв своего советского коллеги, от этого «долга» уклонился. И, хотя Эренбург писал про обращение Постоянного комитета, что «это не приговор, это – предупреждение», в отношении Стейнбека и других западных писателей, дистанцировавшихся в этот период от вопросов политики и отношений государств Восточного и Западного блоков, это стало настоящим «приговором». Если раньше в отношении Стейнбека сохранялись надежды, что

¹ *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. Т. 3. М.: Советский писатель. 1990.

² См. напр.: *Эренбург И.* Американские впечатления // Литературная газета. 1946. 16 ноября. С. 2.

³ *Эренбург И.* Открытое письмо писателям Запада // Литературная газета. 1950. 5 апреля. С. 1.

однажды он займет просоветскую позицию» то теперь его «молчание» было расценено в негативном ключе как позорное бегство, капитуляция перед нарастающей силой реакции США, отказ от своих прежних «прогрессивных» воззрений – не только на бумаге, но и в жизни.

Совсем скоро идеологический «приговор» печатных советских институций вступил в силу. В июле 1950 г. в «Известиях» вышла статья за подписью Д. Шостаковича «Запретить атомное оружие!», в котором автор поименно назвал вошедших в лагерь поджигателей войны известных культурных деятелей, «потерявших честь и совесть», «ушедших от своего народа, хоронящих свою культуру»: Андре Мальро, Жана-Поля Сартра, Андре Жида, Эптона Синклера и Джона Стейнбека. По поводу последнего он высказался отдельно:

Советским читателям хорошо известен Джон Стейнбек, автор романа «Гроздь гнева». Но из-под пера этого некогда умевшего мыслить писателя вышла книга «Бомбы вниз!». Стейнбек совершил прыжок из лагеря прогресса и человеколюбия в лагерь оголтелой реакции, варварства и канибализма. Таков отвратительный облик этих предателей, верных слуг капитализма¹.

Спустя полгода на Втором Всемирном конгрессе сторонников мира в Варшаве Д. Шостакович заговорил о необходимости «получить возможность принести свои достижения, сообщать свои мысли другим народам», «наладить обмен всеми культурными ценностями, относящимися к прошлому, к настоящему и даже существующим лишь как предположение для будущего, между всеми народам земли»². И, чтобы наглядно продемонстрировать, как «наши враги борются с культурой», как в разных странах относятся к «инакомыслящим», выходцам из других систем, он рассказал о теплом приеме американского писателя Стейнбека в СССР («Из американцев последним в нашей стране был Стейнбек и, кажется, никогда не жаловался на прием»³) и недавнем отказе на въезд в США советским писателям Фадееву, Тихонову, Эренбургу, Симонову и его собственной неудавшейся попытке провести концерт в Великобритании, когда английское правительство отказало ему в получении визы⁴.

¹ Шостакович Д. Запретить атомное оружие! // Известия. 1950. 6 июля. С. 2.

² Речь Д. Шостаковича // Правда. 1950. 23 ноября. С. 5.

³ Там же.

⁴ Так же, как в случае с писателем Андреем Платоновым, важно отметить двусмысленность этих и других громких высказываний, приписываемых Д.Д. Шостаковичу.

К обращению Эренбурга к Хемингуэю и Стейнбеку в декабре 1950 года присоединился П. Неруда, чье письмо было также опубликовано в передовице «Литературной газеты». Оно было еще более риторическим и эмоционально окрашенным:

Стейнбек, автор замечательных книг! Почему ты ничего не говоришь о Говарде Фасте? Или ты согласен с тем, что большой писатель, выступающий в защиту мира, должен писать свои романы в тюрьме? Стейнбек, Стейнбек! Что сделал ты со своим братом?¹

Советская пресса о Стейнбеке (1951–1954)

Красноречиво свидетельствуют об окончательном изменении отношения советской прессы к Стейнбеку две статьи американских авторов, вышедшие в 1951 г. на страницах советской печати и напрямую касающиеся Стейнбека и его творчества. Переводная статья Дж. Кларка говорит об упадке искусства США на примере писательской судьбы Дж. Стейнбека:

Под влиянием прогрессивного движения 30-х годов Стейнбек сумел создать произведение такой большой разоблачительной силы, как роман «Гроздь гнева». Однако последующие произведения Стейнбека говорят о его деградации как писателя. <...> Так, подвергнутый проверке в критические времена, когда «испытываются души людей», Стейнбек ушел из настоящего искусства. Правда, Стейнбек не изъял из обращения роман «Гроздь гнева». Но есть писатели, которые идут на эту позорную форму капитуляции...².

Помимо известного факта о непростом характере композитора и о его сложных взаимоотношениях с советскими властями, существуют множество устных и письменных свидетельств того, как и за счет чего формировался в прессе публичный образ Шостаковича, и отношения к этому самого музыканта. В качестве одной из иллюстраций можно привести воспоминание скульптора Эрнста Неизвестного о том, как Шостакович советовал ему подписать письмо, написанное за него Е.А. Евтушенко в идеологическую комиссию ЦК, и тот в свою очередь спросил музыканта:

– Дмитрий Дмитриевич, а Вы все подписывали?

Он вдруг очень резко и раздраженно сказал:

– Да, да, да, я подписываю все! Я даже научился подписывать любые бумаги вверх ногами, чтобы НЕ ЧИТАТЬ!» (*Неизвестный Э.И.* Я буду говорить о Шостаковиче // Лебедь. 2002. 22 декабря. № 303).

¹ *Неруда П.* Борьба и песни // Литературная газета. 1950. 28 декабря. С. 1.

² *Кларк Дж.* Искусство в современной Америке. С. 4.

Вторая статья принадлежала перу Г. Фаста, который после своего непродолжительного тюремного заключения в глазах советских людей продолжал оставаться мучеником, «узником свободы», главным символом ущемления прав личности США. В своей статье Фаст обратился к писателям-соотечественникам –

...к Джону Стейнбеку и Артуру Миллеру, к Эрскину Колдуэллу и Эрнсту Хемингуэю, к Лилиан Хеллман и Ирвину Шоу, к Винсенту Шиэну и Бадду Шалбергу, к Арчибальду Маклишу и Карлу Сэндбергу, к Джону Херси и всем другим из этой большой компании «молчальников»¹.

Предметом его речи послужила казнь семи негров в Мартинсвилле, Вирджиния, обвиненных в изнасиловании белой женщины. По мнению Фаста, американские писатели, «закутавшись в мантию великолепного молчания, стали соучастниками еще одного из многих чудовищных преступлений, которые хранит память угнетенных народов»². И в конце он бросает своим коллегам предупреждение:

Вам не сбросить с плеч ответственности, которая лежит на вас, ибо ныне даже мертвые не молчат; и вы услышите их голоса, даже если будете глухи³.

Эпизод с отказом Стейнбека присоединить свою подпись к Стокгольмскому воззванию еще неоднократно будет возникать в ряде советских заметок, все более выставляя Стейнбека как участника этого «молчаливого предательства». Так в рецензии, посвященной недавно опубликованному в СССР роману американского писателя и физика М. Уилсона «Жизнь во мгле» (в переводе Н. Ветошкиной; оригинальное название романа – “Live with Lightning”, 1949) о проблеме использования атомной энергии, советский журналист связал общественную позицию ряда американских авторов, в том числе и Стейнбека, с «наступлением фашиствующей реакции на интеллигенцию» и с различной реакцией ее представителей:

Одни – такие, как Поль Робсон, Говард Фаст, Альберт Мальц, Виктор Джером, Альберт Кан и другие, – мужественно и стойко продолжали начатую

¹ *Фаст Г.* Предательское молчание // Литературная газета. 1951. 17 мая. С. 4.

² Там же.

³ Там же.

ими борьбу. Другие, подобно Джону Стейнбеку, Клиффорду Одету, Ирвину Шоу, капитулировали перед поджигателями войны, продали им свои перья и сами превратились в трубадуров реакции и агрессии. Третьи пытаются от-молчаться¹.

В этих строках советского рецензента отчетливо виден перевод Стейнбека с нейтральных позиций «молчальников» в стан врагов.

Однако еще более заметным этот перелом отношения к Стейнбеку стал в публикациях «Правды» о поездке Стейнбека в качестве корреспондента “Collier’s” в Северную Африку и Европу. В центре рассмотрения советского издания оказалась одна поездка писателя в винодельческий район Франции провинцию Юра, чтобы, как и в Советском Союзе, на земле в разговорах с местными жителями постичь «душу Франции».

Автор заметки, М. Поликанов, начинает ее так:

Американский писатель Стейнбек, давно сменивший служение литературе на служение доллару, недавно посетил Францию. Миссия этого провокатора войны состояла в том, чтобы разведать настроение французского народа, а также проверить, насколько эффективна империалистическая пропаганда войны, в частности, пропаганда против Советского Союза и других миролюбивых народов².

В основе статьи лежит рассказ самого Стейнбека об этой поездке, напечатанный им в “Collier’s” от 30 августа 1952 г.³, однако советский автор не дает перевода оригинального текста Стейнбека, а пересказывает его содержание, по-своему расставляя акценты. Так, в советской интерпретации беседуя с простыми французскими крестьянами Стейнбек пытался сбить их с «правильного пути», убедить в необходимости перевооружения и подготовки к войне ввиду наличия сильнейшей русской и коммунистической опасности, однако в ответ слышал упреки французов по поводу назначения Риджуэя и присутствия американских войск в Франции, а также их неоднократные заявления о ненависти к войне и неизменной приверженности миру.

¹ Ветошкина Н. Талантливая книга // Литературная газета. 1952. 7 августа. С. 4.

² Поликанов М. Отпор проповеднику ненависти // Правда. 1952. 14 сентября. С. 6.

³ Steinbeck J. The Soul and Guts of France // Collier’s. 1952. August 30. P. 26–30.

Статья Поликанова заканчивается живой сценкой:

Стейнбек опять попытался застрашать крестьян уже не только «русской», но и «коммунистической опасностью». И опять не имел успеха.

– Все, чего мы хотим, это – мир! – воскликнул один из крестьян <...>

Война нам надоела! Война нам отчаянно надоела!

– Считаете ли вы, что все французы так настроены? – спросил Стейнбек.

– Думаю, что да, – последовал ответ.

Так провокатор войны получил отпор у простых французских крестьян. Его проповедь войны и ненависти между народами провалилась¹.

К вопросу о поездке Стейнбека во Францию М. Поликанов вернулся еще раз – в начале 1953 г. в статье «Характерные признания». В этой заметке речь шла о проверке, которую провел в департаменте Юра депутат французского парламента Виатт, представляющий христианско-демократическую партию МРП², по следам визита американского писателя.

На создание Стейнбеку репутации яростного поджигателя войны, подкупленного реакционным правительством США, нацелена и заметка члена компартии США, журналиста и писателя М. Голда под названием «Мысли об американских писателях» (1953). В отличие от французского очерка Стейнбека, фактически переписанного советским рецензентом заново, статья Голда (перепечатка из журнала “Masses and Mainstream”), несмотря на большой объем, была опубликована практически целиком.

Творческий талант Стейнбека Майкл Голд оценивает весьма скептически:

После многих лет барахтанья в мистике Стейнбек лишь один раз приблизился к правде и к народу, когда он написал реалистическую эпопею кризиса – «Гроздь гнева»³.

Далее в своей статье он вспоминает встречу со Стейнбеком еще до написания «Гроздь гнева». По его словам, в то время Стейнбек жил в бревенчатой хижине и приветствовал приехавших гостей с бурной ра-

¹ Поликанов М. Отпор проповеднику ненависти. С. 6.

² МРП от Mouvement républicain populaire (франц.) – «Народно-республиканское движение».

³ Голд М. Мысли об американских писателях // Литературная газета. 1953. 2 июля. С. 3.

достью. Он показал им телеграмму, которую получил в то утро от своего издателя, в которой сообщалось, что его книга «О мышах и людях» только что вышла в свет и имела грандиозный успех:

Стейнбек проливал слезы в рюмку: «Первый мой успех! Боюсь его до смерти, боюсь! Не хочу быть богатым! Писатель должен всегда оставаться бедным и честным! Что теперь со мной будет?!»

Увы, опасения оправдались! Стейнбек ездит во франкистскую Испанию и поет ей дифирамбы, в то время как кровь героев, отказывающихся подчиниться фашизму, льется на улицах. На страницах журнала «Кольер» Стейнбек выступает, как активный пропагандист атомного империализма¹.

Биографические справки о Стейнбеке Иностранной комиссии Союза писателей (1950–1954)

Идеологические установки холодной войны не менее ясно видны во внутренней документации советских литературных институций. За период 1950–1954 гг. Иностранной комиссией Союза советских писателей (ИК ССП) было составлено три биографические справки о Стейнбеке.

В первой из них от 1950 г. после краткого обозначения творческого пути Стейнбека до «Гроздьев гнева» сказано: «Весь дальнейший путь Стейнбека – путь политического отступничества и творческого падения»².

Автор этого документа подробно акцентирует свое внимание на недостатках военного и послевоенного творчества Стейнбека. Так, по его мнению, в романе «Луна зашла», описывая историю оккупации немцами некоей европейской страны, Стейнбек «извращает задачи и методы антифашистской борьбы». В книге «Бомбы вниз!», написанной по личному заказу генерала Арнольда, Стейнбек «выступает вербовщиком молодежи в ряды военно-воздушных сил США, совершенно умалчивает о характере и целях войны и откровенно заявляет о том, что США начали борьбу за мировое господство и “выйдут из войны в роли руководителя и будут вершить делами послевоенного мира”». В романе «Консервный ряд» советский рецензент видит проповедь «пассивного отношения к жизни и возврат к “простым радостям жизни”, т.е. к удовлетворению животных инстинктов», а в «Заблудившемся автобусе» – клевету автора

¹ Там же.

² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1163. Л. 15.

на американский народ, в которой он ухитряется оболгать прогрессивную Америку и под видом «псевдогуманистического копания в жизни “маленького человека” учит смиренно принимать американскую действительность, уверяет в бесполезности попыток изменить ее». О «Русском дневнике» сказано только, что в этой книге Стейнбек допускает ряд антисоветских выпадов. И, наконец, в отношении последней пьесы Стейнбека «Горящий ярко» приводится мнение прогрессивного журнала “Masses and Mainstream” о том, что «общество, история, подлинные взаимоотношения живых людей – все это остается за пределами книги, написанной в невыносимо претенциозном духе псевдопоэзии»¹.

Таким образом, автор данной биографической справки приходит к выводу, что «все творчество Стейнбека последних лет свидетельствует о реакционности его мировоззрения и декадентском характере его творчества»².

Биографические сведения о литературной деятельности и политической позиции Джона Стейнбека 1951 г.³ полностью повторяет предыдущие.

В справке о жизни писателя за 1954 г. появляется добавление, связанное с выходом его последнего романа «К востоку от рая», о котором говорится, что он «глубоко реакционен по своему идейному содержанию»⁴. Также советский референт говорит об антисоветских выступлениях Стейнбека в периодической печати:

...Стейнбек в последние годы неоднократно выступал с политическими высказываниями, весьма недвусмысленно объявляя борьбу идеям не только коммунизма, но и коллективизма вообще и клевета на Советский Союз. Совсем недавно во французской печати было опубликовано политическое кредо Стейнбека⁵, изобиловавшее злобно антикоммунистическими и антисоветскими измышлениями⁶.

¹ Там же. Л. 15–16.

² Там же. Л. 16.

³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3774. Л. 1–2.

⁴ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3813. Л. 4.

⁵ Имеется в виду статья в “Le Figaro littéraire” от 18 сентября 1954 г., в которой «Стейнбек выступал с клеветническими измышлениями по адресу коммунистических партий и стран демократического лагеря, повторяя избитые тезисы самой реакционной пропаганды о «подавлении свободы личности» и т.д.» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3828. Л. 10).

⁶ Там же.

«К востоку от рая» (1952)

В сентябре 1952 г. в издательстве “Viking Press” был опубликован новый роман Стейнбека – «К востоку от рая» (“East of Eden”). И, как и в других работах Стейнбека, оценки критики о ней кардинальным образом разошлись, что не помешало книге в скором времени войти в список бестселлеров.

Рецензент “New York Times” Орвилл Прескотт в рецензии к только что опубликованному роману отметил:

...сегодня была опубликована лучшая и наиболее амбициозная работа Стейнбека со времен «Гроздьев гнева». Громоздкая по своей структуре и обезображенная непомерными мелодраматизмами и в большом количестве встречаемой дешевой сенсационностью, «К востоку от рая», тем не менее, серьезная и в целом успешная попытка автора совладать с огромной темой. <...> Его герои, мужчины и женщины, уже не слабые и недалекие животные, как это было в «Консервном ряду» и «Заблудившемся автобусе». Они – люди, сильные и слабые, мудрые и глупые, иногда порочные, но их жизни представлены многозначительно в «торжестве их выбора». «К востоку от рая» – это провозглашение Стейнбеком свободной воли и внутренне присущего благородства человека¹.

Х.К. Уэбстер из “Saturday Review” в своей рецензии также отметил эту двойственность восприятия нового романа Стейнбека:

Несмотря на то, что «К востоку от рая» не является великим произведением согласно строгому соглашению о формальной чистоте, широко распространенной сейчас, потребуется равное количество надменности и глупости, чтобы отрицать, что это одно из лучших произведений последних десяти лет и лучшая книга Джона Стейнбека, написанная со времен «Гроздьев гнева»².

Немало было и отрицательных отзывов на книгу. Так, по мнению “Time”,

в том виде, в каком он есть, роман «К востоку от рая» – это огромная сборная солянка, в которой бессмысленность и несообразность мелодрамы выплы-

¹ Prescott O. Books of the Times // New York Times. 1952. September 19. P. 21.

² Webster H.C. Out of the New-born Sun // Saturday Review. 1952. September 20.

вает столько же часто, как хорошая повествовательная манера и правдоподобное сопровождение. <...> Но даже в качестве рассказа о первопоселенцах в новой стране или просто о мужчинах и женщинах, реализующих свою частную земную судьбу, роман «К востоку от рая» представляется слишком неумелым и некорректно выполненным, чтобы строить на этом все повествование¹.

А разбор рецензента “New Yorker” Энтони Уэста² показался Стейнбеку настолько ехидным и неприятным, что тот в свою очередь в письме Карлтону А. Шеффилду иронически отметил:

Интересно, что так сильно разозлило его – ведь это был действительно злой текст. Я бы хотел увидеться с ним, чтобы обсудить, что стало причиной его столь сильной ненависти и страха перед этой книгой³.

В целом, хотя многие критики колебались между положительной и отрицательной оценкой книги, большинство статей американской периодики отнеслись к ней как к «серьезному большому достижению серьезного большого автора»⁴.

В СССР знакомство с книгой «К востоку от рая» произошло в начале 1953 г., когда сотрудник Иностранной комиссии Союза советских писателей Е.С. Романова подготовила реферат отзывов американской печати, посвященных этому роману. В основу этого реферата была положена статья журналиста “People’s World”, центрального печатного органа компартии США, Роберта Фридмена от 17 ноября 1952 г.

В свой реферат Е.С. Романова включила утверждение Фридменом антигуманного и шовинистического характера романа:

В одном из своих авторских отступлений, – пишет Фридмен, – Стейнбек пускается в рассуждения о своей вере в свободу и в личность. Но когда свобода и личное достоинство превращается в чисто демагогические лозунги для прикрытия настоящей антидемократической программы правящего класса и его выразителей – этого противоречия не скроешь никак. А Стейнбек, уже

¹ It Started in a Garden // Time. 1952. September 22. P. 110.

² West A. California Moonshine // New Yorker. 1952. September 20. P. 22–23.

³ Steinbeck: A Life in Letters / eds E. Steinbeck, R. Wallsten. New York: Viking, 1975. P. 458.

⁴ Benson J.J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer: A Biography. New York: Viking, 1984. P. 731.

давно поставивший свое перо на службу поджигателей войны с Уолл-стри-та, с готовностью вторит и их шовинизму. Для него индейцы из Салинаса – «низшая каста, лишённая энергии, изобретательности и культуры». Негров он упоминает дважды: он рассказывает о негритянке, заразившей солдата гражданской войны венерической болезнью, и о содержательнице дома терпимости (следуя шовинистическим традициям, он именуёт ее презрительной кличкой «ниггер»)¹.

Также Романовой была взята на вооружение обрисовка Фридрихом настоящего политического облика Стейнбека и его отношение к последним мировым событиям:

Стейнбек ныне целиком связан с этим реальным (хотя и преходящим) злом, злом империалистических войн и расизма. Вот почему этот некогда одаренный художник может теперь писать: «В наше время массовое или коллективное производство вошло в нашу экономику, нашу политику и нашу религию настолько, что отдельные нации подменили идеей коллективизма идею бога. Это в мое время и является угрозой». И в другом месте: «Я считаю, что все в мире сводится к одной единственной проблеме... Люди – в жизни, в мыслях, в устремлениях, в их жадности и жестокости, равно как и в их доброте и великодушии – попадают в сети добра и зла».

Не массовые убийства в Корею, не расовая ненависть к негритянскому народу, не полицейский террор представляется Стейнбеку угрозой. «Коллектив» для него пугало. Единение людей в борьбе за мир и за демократию – грозный признак, а непреодолимая «сеть добра и зла» – вот тот барьер, который не может якобы преодолеть человечество. Так Стейнбек лакейски служит госдепартаменту².

Отзыв самой Романовой о книге Стейнбека «К востоку от рая» появился только спустя полтора года в «Литературной газете» и представлял собой опровержение вышедшим хвалебным отзывам о романе «реакционных» журналов “Saturday Review” и “New York Herald Tribune”.

В этой заметке Е.С. Романова вслед за рецензентом из “People’s World” представляет книгу Стейнбека как коллекцию жестоких и «омерзительных сцен насилия и разврата», обвиняя автора в низкопробном материале и в бесформенности сюжетно-композиционной структуры романа:

¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3799. Л. 13.

² Там же. Л. 14.

Предельная аморфность литературной формы свидетельствует о деградации писателя, некогда приблизившегося, было, к подлинным высотам художественного мастерства¹.

Причины этой творческой неудачи советский автор видит в «глубоко реакционном характере основной идеи романа, которая выражается и в образах действующих лиц и в авторских отступлениях»:

На протяжении всего романа Стейнбек перепевает множество избитых в реакционной буржуазной литературе США мотивов. Здесь и антинаучные измышления о цикличности исторического процесса, и варварские разглагольствования о присущем человеку инстинкте убийства, и циничные предостережения тем, кто вступает в борьбу против власти денег. <...> Стейнбек делает все, чтобы принизить войны освободительные и превознести захватнические, хищные набеги на чужие территории. О войне американцев за независимость он развязно заявляет: «Мы побили их (англичан. – *Е.Р.*), но хорошего это нам дало немного. Приобрели мы всего-навсего спаленный пожаром Белый дом и десять тысяч вдов на пособия». Вот война с Мексикой – это совсем иное дело: «...Мы получили много западных земель, почти вдвое расширили свои владения...». К тому же это была, по мнению Стейнбека, неплохая «тренировка для американских генералов»².

В вину писателю также ставится очернение идеи коллективизма, в котором тот видит наибольшую опасность нашего времени, его высокомерно расистское пренебрежение к другим национальностям (в частности, китайцам и индейцам) и текстуальное приближение, фактически уравнивание человека и животного, оскорбляющее советского гражданина.

Наконец, автор выносит следующий вердикт новому роману Стейнбека:

Политический смысл этой идеи достаточно ясен. Посеять в человеке семена уныния, безверия, покорности, отдать его во власть рабьей психологии, – вот какую цель преследует роман Стейнбека, и вот за что рукоплещет ему реакционная критика³.

¹ Романова Е. «Философия» мистера Стейнбека // Литературная газета. 1954. 10 июля. С. 4.

² Там же.

³ Там же.

Вплоть до начала 1960-х гг. статья Романовой представляла собой единственное упоминание в советской прессе об этом романе Стейнбека.

Стейнбек об СССР после «Русского дневника» (1948–1960)

«*Дуэль без пистолетов*» (1952). В конце 1950-х гг. и в 1960-х гг. было написано несколько «открытых писем» Джону Стейнбеку. Эта традиция сложилась в сталинское время: открытые письма выполняли политический заказ и представляли собой глубоко идеологизированный ритуал эпохи сталинизма. После 1953 г. цель этих акций также заключалась не в получении ответа от адресата, но в «создании прецедента, формировании общественного мнения»¹. Такими, например, были открытые письма Стейнбеку советского критика А.Н. Макарова (опубл. в «Иностранной литературе», 1957), писателя Ф.Т. Кравченко (находится в архиве «Литературной газеты», напечатано не было, 1964), Е.А. Евтушенко (опубл. в «Литературной газете», 1966). О реакции Стейнбека на эти советские письма никаких свидетельств не сохранилось, вполне возможно, он даже не догадывался об их существовании. Однако о том, каким могло быть отношение Стейнбека к инвективам советских авторов можно предположить по инциденту, который произошел во время поездки американского писателя в Италию в 1952 г. и был им подробно описан и опубликован в «Collier's» в статье под названием «Дуэль без пистолетов» («Duel Without Pistols»)².

Волей судьбы во время въезда в Рим Стейнбек оказался в кортеже только что прибывшего в столицу генерала М. Риджуэя, сменившего Эйзенхауэра на посту верховного главнокомандующего вооруженными силами НАТО в Европе и направлявшегося в тот же отель, что и Стейнбек. Через какое-то время писатель увидел на римских прилавках газету с громким названием «Открытое письмо Джону Стейнбеку» и был польщен подобным вниманием к его приезду. Однако оказалась, что эта заметка была напечатана в крупнейшем коммунистическом издании Италии – «L'Unità», и ее автор Эцио Таддей использовал совпавший по времени приезд Стейнбека и Риджуэя, чтобы обвинить США в приме-

¹ Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М.: Новое литературное обозрение. 2001. С. 178.

² Steinbeck J. Duel without Pistols // Collier's. 1952. August 23. P. 13. Далее статья цитируется по этому источнику.

нении бактериологического оружия в Корею и бесчинствах американских солдат, которые «вымостили дорогу для своих танков телами маленьких детей». Все это также ставилось в вину Стейнбеку, который не осудил действия главнокомандующего и своей страны, санкционировавших эти преступления против человечности. Подобно своим коллегам из Советского Союза, итальянский журналист риторически восклицал: что же случилось с человеком, когда-то написавшим «Гроздь гнева»?

Стейнбек, который обычно никогда не отвечал газетчикам, считая это «заранее проигранной игрой», потому что «ты ответишь колумнисту один раз, а у него ежедневная колонка», в этот раз не смог промолчать. Он подсчитал, что «выпад Таддея против Америки» могут прочитать более миллиона человек:

В течение недели значительная часть из этого миллиона будет считать, что все, о чем там написано, было действительно мной сказано. И, если я не отреагирую, я был уверен, что красные начнут громко вопить, что я испугался, либо они расценят мое молчание как согласие с ними. По своему опыту я знал, что они довольно нечестные соперники.

Поэтому Стейнбек принял решение ответить на вызов Таддея (Стейнбек поясняет в статье, что в этом решении он руководствовался не благородными мотивами, а просто был «ужасно зол на человека, который пытался его втянуть в грязную политику») и в течение нескольких дней направил в редакцию “L’Unità” ответ на выступление итальянского журналиста «на десять страниц, где абзац за абзацем комментировал письмо Таддея, благо, тот совершил ошибку, использовав ложные утверждения, которые было легко опровергнуть отсылками к официальным документам».

Ответ Стейнбека в “L’Unità” был рассмотрен, но там его сочли излишне длинным и предложили немного сократить, что американский писатель наотрез отказался делать. Последовавшая затем встреча Стейнбека и итальянских коммунистов, по его словам, была крайне вежливой и бестолковой, поскольку на ней представители “L’Unità” пытались «мягко» убедить писателя сократить свой текст самостоятельно, а Стейнбек также мягко и твердо настаивал на своем авторском праве представлять к публикации тот текст, который он считает нужным. Стейнбек говорил, что в противном случае он отдаст свой материал другой итальянской газете, на что итальянцы возражали, что они ни одна газета в Италии не возьмется печатать текст Стейнбека из-за его длины.

В результате в “L’Unità” все же опубликовали «коммунистически укороченный» вариант письма Стейнбека, присовокупив в нему комментарий Таддея, который оказался длиннее оригинала письма американского автора. Однако Стейнбек был готов к такому повороту и своевременно направил полный вариант своего письма в другое итальянское еженедельное издание – газету “Il tempo”, напечатавшую его без купюр.

На следующий день, после того как полный текст письма Стейнбека вышел в “Il tempo”, по его словам,

случилась небольшая лихорадка. “L’Unità” объявила, что я фашист и что моя публикация была проплачена фашистами. Коммунисты сказали также, что “Collier’s” является частью широко известной национал-фашистской-империалистической-уолл-стритовской канибалистской группы, которая была организована с целью подорвать рабочие классы. Более того, они подвергли пересмотру мои произведения, которые оказались никудышными.

У этого эпизода, помимо прямой аналогии с характером советских заметок о Стейнбеке, имеется несколько деталей, отсылающих к советскому опыту Стейнбека, его поездке в СССР в 1947 г.

Во-первых, перед встречей с представителем редакции “L’Unità”, с которым он должен был обговорить условия публикации своего письма в их издании, Стейнбек обдумывал различные каверзы, которые могли его ожидать при этом разговоре, например:

если они последуют технике русских¹, их человек не будет не знать английского, соответственно он придет не один. И в результате все будет обговорено через посредника, и я так и не узнаю, что произошло.

Во-вторых, когда после этого инцидента также присутствовавшая в Риме жена Стейнбека Элейн решила сделать фотографию Таддея, что-

---

¹ В «Русском дневнике» Стейнбек пишет об этой трудности коммуникации с советскими журналистами. После того, как журналист ТАСС по Украине взял у него интервью, Стейнбек попросил перевести его ответы с русского обратно на английский и убедился, что записанные ответы не соответствовали тому, что он сказал изначально. Стейнбек прокомментировал эту ситуацию следующим образом: «Здесь не было злого умысла, и дело даже не в трудности перевода с одного языка на другой. К языковым проблемам это не имело прямого отношения. Это был перевод с одного образа мышления на другой. Наши собеседники были приятные и честные люди, но мы не могли найти с ними общего языка. Это интервью стало последним, больше я на них не соглашался». (Стейнбек Дж. Русский дневник. С. 74).

бы проиллюстрировать статью мужа, она столкнулась с тем, что Стейнбек обозначил в «Русском дневнике» понятием «русский гамбит»¹: первая англоговорящая девушка, поднявшая трубку в редакции “L’Unità”, сказала, что их офис не работает и откроется не раньше пяти тридцати, во второй раз после означенного времени трубку взял итальянец, не говоривший по-английски, в третий раз – другой итальянец с голосом, очень похожим на предыдущего, но уже говоривший по-английски. Он сказал, что узнает насчет возможности получить фотографии у Э. Таггея, в настоящий момент, к сожалению, отсутствующего в офисе, и перезвонит. Но, как пишет Стейнбек, конечно же, не перезвонил.

В этой статье Стейнбек с присущим ему юмором описал свою «дуэль без пистолетов» не только с итальянскими газетчиками, но с коммунистическим мировоззрением вообще. Эта дуэль, с его точки зрения, походила на борьбу Дон Кихота с ветряными мельницами (а этого персонажа Стейнбек особенно любил и нередко себя с ним ассоциировал), на первый взгляд бессмысленная, но на самом деле важная и необходимая. О необходимости вести эту борьбу несмотря ни на что писал Стейнбек в послании другу – шведскому художнику Бо Бескову:

Если это (советский тоталитаризм – Л.К.) то, к чему мы идем, я надеюсь не увидеть это своими глазами и не увижу, потому что буду бороться с этим. Бог знает, что мы далеки от совершенства, но мы гораздо лучше, чем это. Мы можем создать шум, даже если немногие услышат его².

Письма Стейнбека об СССР (1947–1958). По словам биографа Стейнбека Дж. Бенсона,

«антикоммунизм» писателя происходил в значительной степени от его осведомленности о том, как коммунизм душит индивидуальность. Он наблюдал это среди молодых коммунистов 1930-х гг. в Калифорнии, и видел это в России, и был в ужасе от того, с какой тщательностью и жестокостью там

¹ В «Русском дневнике» Стейнбек рассказывает о природе этого явления следующее:

«Мы слышали о русской игре – назовем ее «русский гамбит» – выиграть в которой редко кому удается. Она очень проста. Чиновник из государственного учреждения, с которым вы хотите встретиться, то болен, то его нет на месте, то он попал в больницу, то находится в отпуске. Это может продолжаться годами. <...> И нет способа противостоять этому гамбиту. От него нет никакой защиты, единственный выход – расслабиться». (Стейнбек Дж. Русский дневник. С. 21).

² Steinbeck: A Life in Letters. P. 403.

выслеживаются и искореняются все следы независимой мысли. (При том, что он в каком-то роде являлся специалистом по России, посетив эту страну трижды – и две поездки длились по несколько месяцев каждая – и увидев большую часть страны и поговорив с большим количеством ее людей, чем большинство дипломатов и журналистов, которые здесь останавливались)¹.

Факты, приведенные в исследовании Б. Кеннарда, также свидетельствуют о том, что, несмотря на сложившуюся в конце 1930-х гг. репутацию Стейнбека, как левого писателя, его убеждения и взгляды отличались сложностью и динамичностью. Документально подтвержденная готовность Стейнбека сотрудничать с разведкой в 1952 г., тот факт, что в разгар маккартизма его (автора «Гроздьев гнева», к тому же дважды побывавшего в СССР) ни разу не потревожила Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности (HUAC)² – все это убедительно свидетельствует об изменении позиции Стейнбека, который на протяжении 1940–1960-х гг. все более последовательно придерживался идеи американского патриотизма, занимал охранительную позицию по отношению к американской демократии, вплоть до решительно «поправения» – к началу войны во Вьетнаме.

Антикоммунистические убеждения росли и развивались в течение всей жизни Стейнбека – от интереса к левому движению 1930-х гг. в Калифорнии (результатом которого отчасти стало написание книг «В сомнительной схватке» и «Гроздьев гнева») до открытого декларативного неприятия, осуждения коммунизма и политики СССР в его вьетнамских «Письмах к Алисии» 1960-х гг., т.е. последнего периода его жизни.

Кроме того, можно сказать, что в силу особенностей его характера антикоммунистические воззрения писателя носили в большей степени латентный характер. За исключением некоторых немногочисленных фраз, реже пассажей, в его статьях и книгах, в его творчестве имеется очень мало прямых оценок того, что происходило в Советском Союзе. Даже в «Русском дневнике» одним из его основных постулатов было – «избегать политики и крупных проблем», «держаться подальше от Кремля, от военных и от их замыслов»³.

Меж тем, происходящее в России, хотя было далеко не его главным интересом, в течение многих лет являлось одной из тем, крайне

¹ *Benson J.J.* The True Adventures of John Steinbeck. P. 720.

² См.: *Kannard B.* Steinbeck: Citizen Spy. P. 155.

³ *Стейнбек Дж.* Русский дневник. С. 9.

занимавших и задевавших писателя за живое. Доказательством тому, помимо его многократных поездок в СССР, служат личные письма американского автора друзьям, в которых он в разные годы снова и снова возвращался к теме коммунизма и советского строя.

Примечательно, что в письмах, созданных Стейнбеком непосредственно в СССР, так же, как и в статьях, печатавшихся в “New York Gerald Tribune”, и «Русском дневнике», вышедшем по результатам этой поездки, американский автор пишет о Советском Союзе, хотя насмешливо, но в целом весьма доброжелательно. В собрании писем Стейнбека “Steinbeck: A Life in Letters” (1975) помещены три его письма из СССР – два адресованных издателю Паскалю Ковичи из Киева и одно жене писателя Гвендолин из Сталинграда, которые выражают его очень сильные и теплые эмоции по отношению к советским людям и к местам, где он побывал. К примеру, из Киева Стейнбек пишет:

Это прекрасная страна и прекрасный город, который, к сожалению, был жестоко и безумно разрушен немцами. Восстановление идет по всем фронтам, но с приложением больших усилий – из-за того, что до сих пор не хватает машин. <...> Эти украинцы очень гостеприимны и с прекрасным чувством юмора. Я записал все разговоры с крестьянами и рабочими из опаски, что позабуду их. Нам ужасно повезло, что мы находимся здесь. Мы увидели здесь очень много¹.

В.С. Тольц объясняет столь теплую, полную симпатии оценку обоими американцами увиденного в конце поездки психологическим моментом:

С ними приключилась довольно обычное: как многие богатые иностранцы после достаточно длительного пребывания в бедных странах, они пообвыкли к окружающей, поначалу поразившей их повседневной скудости, и это положение дел стало казаться обычным, приемлемым и даже улучшающимся².

В продолжении самой поездки сам Стейнбек от многочисленных вопросов, в обилии поступавших к нему от советских людей о том, каковы его впечатления о Советском Союзе, как правило, уклонялся, отвечая, что «его впечатления не формируются так быстро»³. И в самом

¹ Steinbeck: A Life in Letters. P. 298.

² Тольц В.С. Три дневника.

³ ГА РФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 21. Л. 161.

деле, когда его отделила от СССР временная и пространственная дистанция – спустя полгода после поездки в США – положительные картины быта простых советских людей стали все больше вытесняться невеликими размышлениями об отсутствии в СССР того, без чего Стейнбек не мыслил своего существования, – творческой жизни.

Так, в процессе подготовки к печати «Русского дневника» в Америке, в феврале 1948 г. Стейнбек пишет своему другу, шведскому художнику Бо Бескову:

Русские куски в газетах получились здесь весьма успешными. Я не знаю, что сделает книга. Русские сделали столько всего плохого в последнее время со своим художественным оуплением, своими глупыми нападками на музыкантов¹ и запретом на общение собственных граждан с иностранцами, что это не может не печалить меня. Похоже, что мы там оказались последними на долгое время. Из-за нового запрета мы бы не смогли пообщаться ни с одним тех людей, с которыми мы общались. Они практически полностью уничтожили всю хорошую или хотя бы интересную живопись². У них осталось не очень много хорошей литературы, и теперь они управились с музыкой. Тупые сукины дети. Интересно, ведется ли какая-нибудь скрытая работа в их литературе и живописи. Я буду удивлен, если горстка творческих личностей не занимается этим в каком-нибудь подвале. Обычные русские – такие хорошие люди³.

¹ Речь идет о Постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) Об опере «Великая дружба» В. Мурадели 10 февраля 1948 г., опубликованном в «Правде» 11 февраля 1948 г. и осудившим «формализм в музыке», нашедший «свое наиболее полное выражение в произведениях таких композиторов, как гг. Д. Шостакович, С. Прокофьев, А. Хачатурян, В. Шебалин, Г. Попов, Н. Мясковский и др., в творчестве которых особенно наглядно представлены формалистические извращения, антидемократические тенденции в музыке, чуждые советскому народу и его художественным вкусам». (Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) Об опере «Великая дружба» В. Мурадели 10 февраля 1948 г. / Власть и художественная интеллигенция. С. 631).

² Во время приезда Стейнбека и Капы в СССР в 1947 г. неоднократно поднималась тема современного искусства и, в частности музыки и живописи. Для понимания различия в отношении к нему американских гостей и советских служащих характерен следующий разговор: «Вечером у меня возник со Стейнбеком спор по вопросам искусства. Я высказал Стейнбеку свое личное мнение о современной упаднической музыке, которую народ не любит и не понимает. Стейнбек сказал, что все новое прогрессивно уже потому, что оно ново. Он отнес к прогрессивным течениям в искусстве футуризм, кубизм и пр. По мнению Стейнбека, в искусстве, как и в жизни, не бывает движения назад». (ГА РФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 21. Л. 131).

³ Steinbeck: A Life in Letters. P. 306.

Следующее письмо, адресованное тому же Бо Бескову в 1950 г., также явилось реакцией на упомянутое выше заявление Д. Шостаковича¹, сделанное им после третьей сессии Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира. В этом письме Стейнбек продолжает свою мысль о гнетущем влиянии коммунистической идеологии и образа жизни на своих же граждан – советских людей, однако углубляет ее и поднимается почти до эсхатологических пророчеств:

Меня ужаснул подкравшийся паралич, который исходит от Кремля, смерть искусства и мысли, смерть личности и единственной творческой вещи на земле – индивидуальности. Когда я был в России пару лет назад, я не увидел ни одной творческой вещи. Интеллектуалы, как попугаи, повторяли статьи, которые они прочитали в безопасных журналах. Это вызывает у меня не просто сожаление, это вызывает тошноту. Из всех книг, испрошенных и посланных тем, кто просил об этом, ни одна не была получена. И даже теплый свитер и варежки для девочки, и кукла для малышки не были разрешены к выдаче. Я не думаю, что войны могут решить проблемы, но как-то нужно это остановить, иначе с миром будет покончено, он рухнет в черный хаос, снова начнутся темные века. Если это то, к чему мы идем, я надеюсь не увидеть это своими глазами и не увижу, потому что буду бороться с этим. Бог знает, что мы далеки от совершенства, но мы гораздо лучше, чем это. Мы можем создать шум, даже если немногие услышат его.

Шостакович на днях объявил меня канибалом. Конечно, его вынудили к этому – каждый, кто скажет, что его произведение, написанное честно, является неправдивым, неправильным, потому что так сказала партия – будет лжецом, и его совесть как художника будет нечиста. Можно называть произведение неумелым, плохо сделанным, незрелым или неразвитым, но ни один художник не может быть *неправ*. Я полагаю, есть немало людей, которые бы также желали обуздать мысль, но они не добьются этого. Они не должны этого добиться! Если кажется, что, говоря об этом, я впадаю в неистовство, то это потому, что я видел и вижу это. Здесь кому-то может не нравиться то, что я говорю, но я могу это написать, и люди смогут это прочитать – и на самом деле читают! И это все, что мне нужно. И я думаю (так как наш биологический вид – творец по природе) о тех подпольных художниках в России, которые рисуют за задернутым занавесом, исполняют музыку вполголоса, пишут стихи, а потом сжигают или прячут их. Не верю, что система, где царит такое насилие, может быть долговечна. Но пока она существует – и она будет разрушаться и калечить людей еще какое-то время².

¹ Шостакович Д. Запретить атомное оружие! С. 2.

² Steinbeck: A Life in Letters. P. 403.

К концу 1957-х гг. отношение Стейнбека к советской тирании никак не менялось, разве что стало еще более политизированным. Так, в январе 1957 г. он направляет письмо директору Информационного агентства США Артуру Ларсону, в котором в качестве независимого эксперта по Западной и Восточной Европе сообщает свои мысли о том, как наладить отношения с соседями. Так, по мнению писателя, первым шагом диктатуры является закрытие границ для поездок, товаров и идей. Для Стейнбека представляется естественным, что в первую очередь необходимо размокнуть эти границы – с помощью книг. В письме Ларсону Стейнбек пишет:

В 1936 году я был в качестве туриста в России и на Балканах. В 1947 году вместе с Робертом Капой мы посетили Россию и несколько стран-сателлитов по заданию “New York Herald Tribune”. Мы спрашивали многих людей, проявивших к нам доброту, что мы могли бы прислать им. Ответ был неизменно: «Книги». По возвращении мы отослали им книги. Никто их не получил. Мы послали их снова – и снова никому не удалось их получить. <...> Поэтому я считаю, что книги крайне важны. Книга – это что-то настоящее там, где пропаганда вызывает подозрения. Отрицание права читать то, что люди хотят, одно из наиболее горьких и непереносимых проявлений советской тирании¹.

Также Стейнбек очень едко высказался в адрес советской власти в ноябре 1958 г. в письме Стюарту Л. Хэннону, ассистенту директора радио «Свободная Европа», о присуждении Б.Л. Пастернаку Нобелевской премии и его травле в СССР. Для письма Стейнбека инцидент с Пастернаком – лишь повод: по сути, письмо представляет собой пасквиль на «встроенных в систему» советских писателей, коллег Пастернака по цеху, выступивших в роли «погромщиков». Письмо Стейнбека – обвинительная речь в их адрес:

Награждение Нобелевской премией Пастернака и советский протест против нее преисполняет меня чувством жалости, но не к Пастернаку. Он выполнил свои обязанности как писатель, он увидел мир, описал его и дал свой комментарий. То, что результат его творчества нашел отклик по всему миру, везде, где роман был разрешен к прочтению, должно стать для него вознаграждением. Поэтому его не стоит жалеть, как бы жестко с ним не обращались. Я жалею

¹ Ibid. P. 547.

бедных номенклатурных писателей, ставших судьями книги, которую им не разрешили прочитать. Этим неспособных летать стервятников от искусства, которые сами помогают подрезать себе крылья, повергает в праведное негодование полет презирующего их гордого орла. Они, убогие, хромые и кривые, столь жалки, что их злоба против тех, кто, находясь под тем же гнетом, не поддался ему и достиг успеха, совершенно естественна. Они несут гроб Советской Литературы и должны теперь остерегаться веса своего покойника.

Что бы они за глаза ни говорили о Пастернаке, как бы ни раболепствовали, его книга доказывает их бессилие – сейчас и всегда. Предатели от литературы, несправедливые судьи Пастернака, они будут наказаны так же, как судьи Сократа – их имена забудутся, и вспоминать будут только их тупость и ограниченность¹.

Как видно на примере последних двух писем, в конце 1950-х гг. в отношении к СССР Стейнбек решительно отказался и от нейтральности и лояльности «Русского дневника», и от отстраненного юмора, с которым описано итальянское происшествие в «Дуэли без пистолетов». Он твердо встал на позиции неприятия и категоричного осуждения советской идеологии и политической системы – как писатель, понимающий пагубность советского строя для литературы (и творчества вообще).

Интересно, что Стейнбек окончательно пришел к такому убеждению как раз в тот момент, когда в СССР началась «оттепель». Причиной такой «замедленной реакции», возможно, была личностная особенность Стейнбека, в которой он не раз признавался в своих поездках в СССР в 1947 и 1963 гг. – медлительность «переваривания» разного рода впечатлений и постепенное вызревание отношения к ним². Ко второй половине 1950-х гг. Стейнбек действительно осознанно стал врагом советского строя. Если во время приезда в СССР он предполагал найти свободу от партийной пропаганды в простом народе³, то по возвраще-

¹ Ibid. P. 602.

² ГА РФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 21. Л. 161.

³ Из дневника сопровождавшего американцев в поездке по Украине И.Д. Хмарского: «Стейнбек высказал руссоистскую мысль о том, что человек тем лучше, чем ближе он стоит к природе и чем меньше на нем различных «наслоений». Задача художника состоит в том, чтобы «очистить» его от этих наслоений и показать таким, каким он есть в действительности. Он подчеркнул, что именно в этом смысле ему особенно нравятся украинские колхозники, в которых он заметил много непосредственного юмора, силы характера и трудолюбия». (ГА РФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 21. Л. 170).

нии на родину его надежды остались связаны лишь с советскими людьми искусства, нонконформистами, подобно Пастернаку непризнанными в своем государстве, «подпольными художниками в России, которые рисуют за задернутым занавесом». Но, при этом, отказавшись от позиции нейтралитета, сменив ее на резкий категоричный тон, он тем самым парадоксальным образом сблизился с авторами тех самых советских пасквилей, которых ненавидел и осуждал. В результате его письмо в защиту Пастернака, нацеленное против советской писательской номенклатуры, крайне напоминает статьи советских авторов (Чаковского, Поликанова и др.), направленные против него самого.

«Потепление» в отношениях Стейнбека и СССР (1954–1960)

Советская пресса о Стейнбеке (1955–1958). В то время как Стейнбек все более укреплялся в своем неприятии советского строя, в советской периодической печати начиная с 1955 г. наметилось ощутимое потепление к Стейнбеку, связанное, в первую очередь, с изменениями во внешней и внутренней политике СССР: смерть Сталина, начавшаяся «десталинизация» и либерализация общества, XX съезд КПСС (февраль 1956 г.) и начало «оттепели». Мгновенно применительно к Стейнбеку исчезли такие эпитеты как «поджигатель войны», «изменник», «предатель», «фашист» и другие, неизменно сопутствовавшие любому упоминанию о нем в прессе в предшествующий период. Материалы о нем большей частью стали носить нейтральный характер, началось движение к возвращению имени Стейнбека в стан «великих американских писателей».

Так, в апреле 1955 г. Иностранной комиссией Союза советских писателей был подготовлен перевод статьи Стейнбека, опубликованной в еженедельнике “Saturday Review”¹ и посвященной делу разоблачения профессионального осведомителя Х. Матусоу. Уже первые фразы этой статьи были для советских чиновников весьма показательными:

Для всякого вдумчивого человека показания Матусоу все равно, что букет незабудок на могиле Маккарти. Смехотворность всей нелепой серии расследований стала теперь очевидной даже для тех, кого один из моих друзей называл «любителями погрызть каштаны»².

¹ Steinbeck J. The Death of a Racket // Saturday Review. 1955. April 2. P. 26.

² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3828. Л. 8.

В своей статье на примере человека, который из соображений корысти притворился раскаявшимся коммунистом, т.е. стал профессиональным лжесвидетелем, Стейнбек показывает, как маккартистские гонения на коммунистов, превратившись в моду, источник наживы, «доходный рэкет», оказались доведены до абсурда. О политических преследованиях, ставших причиной подобных явлений, Стейнбек говорит в прошедшем времени и возлагает надежды на то, что теперь с ними будет покончено:

Таковы были веяния времени, что некоторые глупости проходили незамеченными. Например, человек с совершенно чистым прошлым вынужден был проходить проверку прежде, чем получить разрешение на служение правительству. Одного подозрения в близости к коммунистической партии было достаточно, чтобы уволить человека. При этом он подвергался расследованию со стороны покаявшихся экс-коммунистов. <...> Я говорю обо всем этом в прошедшем времени потому, что я верю в то, что со всем этим почти покончено. Я подозреваю, что правительственные осведомители, даже если они говорили правду, не смогут уцелеть под показаниями Матусоу. Он назвал это доходным рэкетом. Так вот, Матусоу покончил с этим. Никогда он уже не возродится¹.

Примечательно, что эта статья Стейнбека, все эти годы, в целом, не изменявшего своим установкам: последовательно отстаивавшего свободу личности и творчества, воевавшего с конформизмом, проявлениями тоталитаризма и в СССР, и у себя дома в эпоху маккартизма, оказалась особенно актуальна именно в Советском Союзе, в то время, когда изменилась генеральная линия партии, и началось разоблачение «перегибов» и «культы личности Сталина». Также интересно, что после перевода данной статьи референтом Иностранной комиссии ССП было сделано замечание:

Наряду с этим необходимо напомнить о двух выступлениях Джона Стейнбека, относящихся к осени 1954 года. В статье для французской газеты «Фигаро литерер» от 18 сентября 1954 года Стейнбек выступал с клеветническими измышлениями по адресу коммунистических партий и стран демократического лагеря, повторяя избитые тезисы самой реакционной пропаганды о «подавлении свободы личности» и т.д. В передаче на радиостанции «Свободная Европа», как видно из книжного обозрения «Нью-Йорк Таймс» от 19 сентября

---

¹ Там же. Л. 9.

1954 года, Стейнбек грубо клеветал на советскую культуру. Еженедельник утверждал, что к подобному выступлению Стейнбека побудило постоянно использование его романа «Гроздь гнева» в антиамериканской пропаганде, и что Стейнбек «решил, что, наконец, настало время для контрудара»¹.

Эта ремарка, встречающаяся уже в библиографической справке автора за 1954 г., имеет двойной смысл: с одной стороны – осторожного напоминания о «былых прегрешениях» писателя, с другой – объяснения его прежних антисоветских выпадов боязнью маккартизма, эпитафию которому он помещает в своей статье.

Пересказ статьи Стейнбека о деле Матусоу буквально в те же дни появился на страницах «Правды» с подзаголовком «Как в США фабрикуются обвинения»², что фактически ознаменовало «новый курс» советской печати и литературной критики в отношении Стейнбека (и всей американской литературы).

После успешно проведенного в июле 1955 г. в Женеве совещания глав правительств четырех держав (президента США Д. Эйзенхауэра, председателя Совета министров СССР Н.А. Булганина, премьер-министра Франции Э. Фора и премьер-министра Великобритании Э. Идена при участии Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева), посвященного проблемам разрядки международной напряженности, в советской периодике последовала серия статей, авторы которых постулировали необходимость мира между советским и американским народом и заверяли в своей любви и уважении американскому народу-труженику и американской литературе.

Например, Б. Лавренев в статье «Перелистывая страницы истории...» отметил, что исторические корни дружбы и мирного сотрудничества между советским и американским народами уходят в далекое прошлое и прослеживаются с самого начала появления Америки на карте земли. А следствием непрекращающейся «культурной «диффузии» и обмена ценностями духа, взаимными влияниями» стало влияние на крупнейших американских писателей творчества Л. Толстого, Тургенева, Горького, Чехова, Достоевского и успех различных американских авторов в СССР, среди которых Синклер Льюис, Эрнест Хемингуэй, Колдуэлл и Джон Стейнбек³.

¹ Там же. Л. 10.

² Как в США фабрикуются обвинения // Правда. 1955. 3 апреля. С. 4.

³ Лавренев Б. Перелистывая страницы истории... // Литературная газета. 1955. 23 июля. С. 4.

В двух декабрьских номерах «Литературной газеты» вышли заметки об Америке писателя Н.М. Грибачева, который находился в США осенью 1955 г. в составе группы сопровождения Н.С. Хрущева. Эти статьи по своей форме и содержанию напоминали «дофултоновские» «американские впечатления» Эренбурга 1946 г. и «Русский дневник» Стейнбека. Советский журналист описывает Манхэттен, нью-йоркские биржи, банки, редакции, университеты, в которых изучается творчество Хемингуэя, Фолкнера, Стейнбека, Миллера, О'Нила, а также Генри Джеймса и Уитмена¹.

В другой статье Грибачев поведал о встречах, «которые никогда не забудутся»: с Лионом Фейхтвангером, Говардом Фастом, Полем Робсоном, Майклом Голдом, Альбертом Каном, Этель Лилиан Войнич. Также советский автор сообщил, почему им не удалось увидеться со Стейнбеком: автор «Гроздьев гнева» живет в Южных штатах, посещение которых иностранцами не поощряется. Грибачев добавляет, намекая на существующую в США внутреннюю цензуру: «Мы были иностранцами – этим все сказано»².

Весной 1956 г. в советской прессе широко освещался случай увольнения Л. Лэвели, профессора колледжа Диккинсон в Карлайле (штат Пенсильвания), после того как тот предстал перед комиссией по расследованию антиамериканской деятельности и, сославшись на конституцию, отказался отвечать на вопросы. Этот и другие подобные инциденты подавались в СССР как «преследование демократически и либерально настроенной интеллигенции в США». В июне этого года «Литературной газетой» освещался еще один случай притеснения прогрессивной американской интеллигенции:

В городе Райсвилле (штат Айова) анекдотическим нападкам подвергся учитель Поль Райчер. Школьный совет «принял отставку» молодого учителя, обвинив его в том, что он «подрывал» умы учеников, читая им... отрывки из книги современного американского писателя Стейнбека «Гроздь гнева!»³.

Эти статьи стали «первыми ласточками» «оттепели», предвестников нового пересмотра отношения советских критиков к Стейнбеку, ко-

¹ Грибачев Н. Америка и американцы: среди небоскребов // Литературная газета. 1955. 8 декабря. С. 4.

² Грибачев Н. Америка и американцы: встречи, которые не забываются // Литературная газета. 1955. 17 декабря. С. 4.

³ Международная почта: Лорэнт Лэвели и другие // Литературная газета. 1956. 9 июня. С. 4.

торое произойдет в 1960-е гг. после выхода в свет романа «Зима тревоги нашей», нашедшего признание в Советском Союзе, и последнего приезда американского писателя в СССР в 1963 году.

«*Жемчужина*» (опубл. в СССР в 1956 г.). Органичным продолжением этой линии по возвращению имени Стейнбека в литературный контекст Советского Союза стала публикация его ранней повести «Жемчужина» (“The Pearl”) в переводе Н. Волжиной в последнем двенадцатом номере «Иностранной литературы» за 1956 г., спустя 11 лет после ее выхода на свет в США в 1945 г. Впоследствии она дважды выходила отдельной книгой в 1957 и 1958 гг.¹, а также вместе с другим довоенным произведением Стейнбека – повестью «Квартал Тортилья-Флэт» (1935) – в 1963-м, в год третьего приезда американского писателя в СССР. Предисловие к этому изданию написал М.О. Мендельсон, который ранее уже рецензировал повести «Консервный ряд» и «Квартал Тортилья-Флэт»².

По мнению критика, «Жемчужина» на самом деле – «одна из лучших, наиболее значительных в идейном и художественном отношении повестей Стейнбека. Это взрыв боли, вызванный сознанием зла, которое творят деньги»³.

Причиной этому стала антикапиталистическая направленность этой книги, в образной притчевой форме явленная с не меньшей силой, нежели двумя десятилетиями ранее в «Гроздьях гнева». Так, в этой книге, по мнению советского критика, «писатель с полной убедительностью показывает, что в обществе, где царит «американский магазин», даже прекрасное может служить источником горя и несчастья. Жемчужина прелестна, но именно поэтому она ценится очень дорого, именно поэтому она воплощает разрушающую мощь собственности»⁴.

В представлении Мендельсона, жемчужина – это не языческое магическое существо, амбивалентное по своей природе, являющее собой невероятную красоту и притягательность для людей, но также корень зла, зависти и смерти для них (как героиня другого стейнбековского романа «К востоку от рая» – Кэти с ангельским лицом и характером дьявола), но невинная жертва своей исключительности, которая вме-

¹ Стейнбек Дж. Жемчужина / пер. с англ. Н. Волжиной. М.: Правда, 1957; Стейнбек Дж. Жемчужина / пер. с англ. Н. Волжиной. М.: Изд-во иностр. лит., 1958.

² Мендельсон М. Страусовая утопия. С. 4.

³ Мендельсон М. О Джоне Стейнбеке и двух его повестях // Стейнбек Дж. Жемчужина. Квартал Тортилья-Флэт. М.: Гослитиздат, 1963. С. 18.

⁴ Там же.

сте со своими хозяевами, простой бедной мексиканской семьей Кино, Хуаны и младенца Койотито, пала жертвой алчности капиталистического мира.

Советский критик опустил в своей рецензии, к примеру, то обстоятельство, что мечты Кино, связанные с продажей жемчужины, были самыми что ни на есть «буржуазными»: обвенчаться в церкви, купить новую хорошую одежду (например, «синий матросский костюмчик из американского магазина» и маленькую капитанскую каскетку для Койотито), карабин и дать сыну образование, т.к. именно в этом герой Стейнбека видит признак личной свободы человека:

Мой сын будет листать и читать книги, и мой сын научится писать и понимать по писаному. И мой сын выучит цифры, и тогда мы станем свободными людьми, потому что он будет все знать, а от него и мы все узнаем¹.

При этом Мендельсон отдельно отмечает готовность Кино вступить в борьбу против несправедливости системы и вести ее до победы или поражения:

Вместе с тем в повести сильнее показаны гнев несправедливо преследуемого человека, его готовность вступить в бой с недругами. Кино отвечает на насилие насилием, и Стейнбек не осуждает за это своего героя².

Хотя Стейнбек скорее видел этот эпизод в фаталистическом ключе, и печальный финал повести – тому свидетельство, советский критик стремился увидеть в этом революционный призыв к борьбе, а не утверждение бесплодности этой борьбы и обреченности на поражение.

В советской печати эта книга вышла практически одновременно с повестью другого американского классика – «Старик и море» Хемингуэя. Ввиду некоторой тематической и сюжетной схожести произведений советские критики часто ставили их рядом и сравнивали с отечественными произведениями.

Так, в статье, вышедшей в 1957 г. в «Литературной газете», под названием «Герой нашей литературы» говорится о пессимизме и безотрадности западной литературы: жизнь старика Сантьяго замкнута в цепи страданий, бесконечной борьбы и нищеты; герой Стейнбека

¹ Там же. С. 44.

² Там же. С. 19.

также, выбросив в финале книги в море жемчужину, не смог добиться своей цели и остался внутри круга бедности и несчастий. Автор статьи замечает:

При всех наших симпатиях к героям Ремарка (герою книги «Время жить и время умирать» – Л.Ж.К.), Хемингуэя, Стейнбека мы видим, что у этих героев безвыходная судьба одиночек, не приобщившихся к общему делу. Нам их искренне жаль, ибо мы знаем, что давно настала эпоха крушения индивидуализма, эпоха, когда все толкает человека на путь организованной борьбы Трудящихся. Вместе с тем нас радует, что писатели глубоко реалистически воссоздают картину страданий и мук человека, опутанного капиталистическим укладом жизни¹.

В статье, посвященной выходу новой книги А.В. Калинина «Суровое поле», главный герой которой, Михайлов, по профессии писатель, также всплывает тема различия западной и советской литературы:

Однажды к Михайлову заехал давний друг, обкомовский работник Тарасов. Друзья говорили о многом, в том числе и о литературе. Тарасов восхищается «Жемчужиной» Стейнбека («Действительно, жемчужина!»), «Стариком и морем» Хемингуэя, но все-таки эти книги не приносят ему полного удовлетворения – их герои пассивны, они не борцы².

В начале 1960-х гг. известный советский актер театра и кино, мим, балетмейстер, педагог А.А. Румнев написал сценарий и поставил на сцене пантомиму по «Жемчужине» Стейнбека, которая впоследствии вошла в классическое наследие отечественной пантомимы³. Благодаря невербальности мимического искусства, этот сценарий, в отличие от советских рецензий, посвященных повести Стейнбека, парадоксальным образом оказался максимально близок к авторскому тексту и заложенному в него автором смыслу.

Таким образом, благодаря начавшейся «оттепели», «Жемчужина» Стейнбека была принята в СССР достаточно тепло, встав в один ряд с его лучшими произведениями – «Гроздьями гнева» и впоследствии и с романом «Зима тревоги нашей».

¹ Герой нашей литературы // Литературная газета. 1957. 14 февраля. С. 2.

² Бушин В. «И вечный бой!...» // Литературная газета. 1958. 13 сентября. С. 3.

³ РГАЛИ. Ф. 2721. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 13–18.

«Открытое письмо президенту Эйзенхауэру» (1956) и «открытое письмо Стейнбеку А. Макарова» (1957). Своеобразной «интермедией» в этой веренице положительных отзывов о Стейнбеке второй половины 1950-х гг. в советской печати стал отклик на публикацию во второй половине 1956 г. в “New York Times” «открытого письма президенту Эйзенхауэру» группой американских интеллигентов и лиц свободной профессии, обратившихся к правительству с требованием «решительного установления мира на Ближнем Востоке» и международного контроля над Суэцким каналом. Одним из подписавших это письмо был Джон Стейнбек.

Заметка, посвященная этому событию, была напечатана в декабрьском номере «Правды». С точки зрения ее автора, В. Боровского, «письмо Эйзенхауэру» повторяет «вздорные измышления американской пропаганды насчет мнимого «советского проникновения» на Среднем Востоке», также «изобилует грубыми выпадами против президента Египетской республики Насера, виновного в том, что он осмелился «провозгласить независимость» своей страны и возглавить ее оборону от агрессоров» и требует установления «американского протектората над этим районом»¹.

Советский автор припомнил, что Стейнбек не «выступил со словами возмущения в адрес интервентов, творивших бесчеловечные преступления в Египте», «молчал в дни расправ с маленькой Гватемалой»², а также во время захвата власти Баттистой в Кубе, войны в Алжире и нападения Англии на Йемен. Советский журналист сравнил подобное поведение Стейнбека и других американских интеллигентов с чеховским пещером: они, «поддерживая разбойничьи деяния империалистов, приговаривают: «Ничего не поделаешь, батенька! Спасаем мир и цивилизацию...»»; в конце статьи автор напоминал, что везде – на Востоке, в Африке, в Латинской Америке – все еще «зреют гроздь гнева»³.

На этот поступок Стейнбека появился отклик и в советской литературной среде. Во втором номере 1957 года «Иностранной литературы» было опубликовано «открытое письмо Джону Стейнбеку» советского критика А.Н. Макарова. Критик подчеркивает контраст между «колониаторской» позицией письма Эйзенхауэру – и гуманизмом «малень-

¹ Боровский В. Заметки на международные темы: клеветники на службе американского империализма // Правда. 1956. 23 декабря. С. 5.

² Там же.

³ Там же.

кой поэмы в прозе» «Жемчужина», только что опубликованной в «Иностранке» (1956 г. № 12). Критик отмечает, что, читая ее, он «снова был потрясен... жестокой правдой и человечностью этой маленького поэмы в прозе», «трагедией народа, ограбленного колонизаторами до нитки», и проникся «чувством святой и справедливой ненависти к колониализму и его апостолам»¹. Он недоумевает, как мог автор «Жемчужины», «Гроздьев гнева» и антифашистской повести «Луна зашла» такой книги стать подписантом письма Эйзенхауэру, в котором выражены колонизаторские претензии американцев на Ближний Восток.

В поисках ответа на вопрос, как это могло произойти, Макаров, однако, не прибегает к обычным филиппикам рубежа 1940-х–1950-х гг. Риторика его письма предвещает новую эпоху 1960-х:

...Я кое-что смыслю в искусстве и понимаю, что человек не может быть полным лицемером в своих художественных творениях, иначе он перестает быть художником. Мне хочется думать, что и Ваша подпись под письмом – как и другие Ваши выступления, проявление Ваших блужданий на сложных перепутьях XX века, ибо выход, подсказываемый самой историей, Вы, как видно отвергаете².

Об этом же – творческих «блужданиях» автора и всей американской литературы в 1950-х гг. – будут писать уже после выхода в СССР романа Стейнбека «Зима тревоги нашей», советские критики «шестидесятники» Р.Д. Орлова и И.М. Левидова.

Макаров же в своем «открытом письме» говорит о конфликте книг и их создателя, в котором книги одерживают верх, оказываясь более «жизнеспособными», более «стойкими к великой битве века, чем создавший их автор»³.

Эти два упоминания о неприятном для советской стороны проявлении американского патриотизма Стейнбека оказались единственными и в советской прессе конца 1950–1960-х гг.; больше они не встречались, вытесненные другими публикациями об известном писателе, выдержанными в дружелюбной, «оттепельной» манере.

В преддверии 1960-х: советская пресса о Стейнбеке (1957–1960). В 1957–1958 гг. «потепление» продолжается: советская пресса еще несколько раз прибегала к публикациям Стейнбека, в которых тот крити-

¹ РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 1. Ед. хр. 8750. Л. 5.

² Там же. Л. 6–7.

³ Там же. Л. 7.

ковал различные частные стороны политики своей страны. Например, в июле 1957 года в «Литературной газете» вышла статья «Кто для США является нежелательным гостем?», которая представляла собой перевод заметки Стейнбека «Игра в гостеприимство», опубликованной в еженедельнике “Saturday Review”¹.

Поводом к написанию этой статьи послужила поездка писателя осенью 1957 г. в Токио для участия в Конгрессе писателей, организованном международным Пен-клубом. Перед поездкой на Конгресс Стейнбек заинтересовался перспективами проведения такого мероприятия в США, в процессе чего выяснилось, что это невозможно, поскольку в США запрещен или затруднен въезд для многих известных писателей. Как пишет писатель, «для получения отказа не надо быть виновным в преступлении или злодеянии – достаточно быть просто человеком, о котором много говорят»². Далее в статье Стейнбек составляет список исторических личностей, которым был бы запрещен въезд в страну свободы. В списке оказалось более 50 лиц – от «аморальных» Адама, Давида и Соломона до Вашингтона, Джефферсона и прочих «отцов-основателей». Начав тему, газета продолжает ее в следующем номере: автор помещенной в нем статьи «Друзья и враги мирного сосуществования»³, обличая американский милитаризм, ссылается на только что опубликованную заметку Стейнбека «Игра в гостеприимство».

Кроме того, в июле 1957 г. во время заграничной туристической поездки М.А. Шолохова состоялась его встреча с Дж. Стейнбеком, который также проводил свой отпуск в Стокгольме. Беседе двух писателей освещалась практически всеми советскими изданиями в нейтрально-информативном ключе⁴.

Тем же летом Стейнбек вновь привлек внимание советских рецензентов своим выступлением в журнале «Esquire»⁵ в защиту своего друга драматурга Артура Миллера, который 31 мая 1957 г. был вторично вы-

¹ *Steinbeck J. A Game of Hospitality // Saturday Review. 1957. April 20. P. 24.*

² Кто для США является нежелательным гостем? // Литературная газета. 1957. 2 июля. С. 4.

³ Друзья и враги мирного сосуществования // Литературная газета. 1957. 13 июля. С. 1.

⁴ Беседа М. Шолохова с Д. Стейнбеком // Известия. № 156. 1957. 3 июля. С. 3; Возвращение М.А. Шолохова из заграничной поездки // Правда. 1957. 6 июля. С. 4; Возвращение М.А. Шолохова из заграничной поездки // Литературная газета. 1957. 6 июля. С. 1.

⁵ *Steinbeck J. The Trial of Arthur Miller // Esquire. 1957. June. P. 86.*

зван на слушание в Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности и приговорен к штрафу в 500 долларов, тридцатидневному аресту, лишению загранпаспорта и «запрету на профессию» из-за отказа назвать коммунистов из театральных кругов. При всем своем неприятии коммунизма и большом нежелании «лезть в политику», Стейнбек, ненавидевший тоталитаризм, оказался единственной знаменитостью, выступившей в защиту драматурга¹.

Иностранная комиссия ССП в реферате статей американской печати отметила это событие:

Джон Стейнбек заявил, что процесс над А. Миллером, представляет собой «явную, возникшую сегодня перед нами опасность... Эта опасность угрожает не столько Артуру Миллеру, сколько всему нашему изменяющемуся образу жизни... Писатель считает, что от любого человека, предающего своих друзей – а именно этого требовал конгресс от Миллера, заставляя его стать осведомителем – нельзя ожидать преданности родине. Мораль неделима. И наши добродетели начинаются в своем собственном доме. Они не изменяются в зале суда, кроме тех случаев, когда на нас оказывают давление запугиванием².

На вопрос, как бы поступил он сам, если бы ему пришлось оказаться на месте Миллера, Стейнбек ответил:

Я не знаю, что бы я стал делать... но я хочу надеяться во имя себя и своих детей, что у меня хватило бы храбрости сохранить и защитить свой моральный облик, как это сделал Артур Миллер³.

¹ Benson J.J. The True Adventures of John Steinbeck. P. 722.

² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3903. Л. 58.

³ Там же. Л. 58–59. Общий пафос статьи Стейнбека направлен на осуждение процесса попрания человеческих свобод, до сих пор происходящего в Америке, – без сомнения, это крайне интересовало советские органы и приветствовалось в СССР. Между тем, в той же статье имеется фраза, способная свидетельствовать о том, что слушания и следовавшие за ними преследования Комиссией американской интеллигенции писатель отчасти уподоблял сталинистским чисткам и гонениям, которые он никак не думал наблюдать в своей стране и с которыми, он считал, нужно вести такую же борьбу, как с ростом коммунистического влияния в мире. Так, в самом конце заметки Стейнбек приводит правила поведения, которым научил его отец и которые, по его убеждению, не потеряли своей силы и по сей день, и называет среди них: «давать открытый отпор тирании, независимо от того, исходила ли она от хулигана на школьном дворе, от иноземного диктатора или от местного демагога (подчеркнуто нами. – Л.К.)». (Там же. Л. 59).

В 1960 г. в “Saturday Review” вышла статья Стейнбека, посвященная положению негров в США¹, которая была полностью приведена в августовском номере «Литературной газеты»².

В 1958 г. редакция журнала «Иностранная литература» поместила рецензию на новую книгу Стейнбека «Короткое царствование Пипина IV» на основе статей американской периодической печати (“Observer” от 26 мая 1957 г., “Bookseller” от 27 мая 1957 г., “Daily Worker” от 30 мая 1957 г.). В целом, это произведение получило неплохие отзывы: так, по словам газеты “Observer”, его герои «являются карикатурами на современных буржуазных политиков», а “Daily Worker” писала: «Перед нами новый Стейнбек, а, может быть, это не что иное, как возвращение того Стейнбека, который так восхищал нас своими первыми романами»³.

Осенью 1959 г. в «Литературной газете» были опубликованы фрагменты из последней книги Стейнбека «Однажды была война» – сборника его военных очерков со Средиземноморского фронта, на котором он был в качестве корреспондента “New York Herald Tribune” в 1943 г. Как пишет в предисловии к публикации журналист «Литературной газеты», «сборник Джона Стейнбека созвучен нашему времени. Он выражает протест писателя против войны, который так близок и понятен многим тысячам его читателей»⁴.

Тем не менее, несмотря на выход последних «более-менее успешных» книг Стейнбека, в советской прессе и критике сохранялось представление о послевоенном творчестве писателя как об «упадочном». Поэтому большим событием стала публикация в 1958 году монографии исследователя П. Лиски «Широкий мир Джона Стейнбека»⁵. Посвященная выходу этого труда рецензия А. Кейзина⁶, отреферированная Инкомиссией ССП, открывалась словами, которые передавали отношение советской интеллигенции к творчеству Стейнбека последних лет:

¹ *Steinbeck J. Atque Vale // Saturday Review. 1960. July 23. P. 13.*

² *Стейнбек Дж. Так здравствуй же! // Литературная газета. 1960. 20 августа. С. 5.*

³ РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 79–80.

⁴ *Стейнбек Дж. Когда-то была война... // Литературная газета. 1959. 10 октября. С. 4.*

⁵ *Lisca P. The Wide World of John Steinbeck. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1958.*

⁶ *Kazin A. The Unhappy Man from Happy Valley // New York Times. 1958. May 4. P. 1.*

Что случилось со Стейнбеком? Начиная с его первого удачного романа “Tortilla Flat” («Квартал Тортилья-Флэт» – Л.Ж-К.) все его лучшие произведения увидели свет в тридцатых годах: «В сомнительной схватке», «О мышах и людях», «Большая долина», «Гроздь гнева» <...> Что побудило одного из наиболее талантливых американских писателей обратиться к банальной пропаганде, отмечающей повесть «Луна зашла», к нарочитой манерности «Консервного ряда», милого пустяка, высмеянного впоследствии самим Стейнбеком в издевательском фарсе «Благостный четверг»? <...> Что же произошло со Стейнбеком?¹

В 1958 г. советский писатель С.П. Злобин подготовил для Иностранной комиссии Союза советских писателей рецензию на статью Кейзина, после чего эта работа получила широкое распространение, и многие советские критики (И.М. Левидова, М.О. Мендельсон) впоследствии часто обращались к ней, рассуждая о причинах упадка позднего творчества Стейнбека.

Отчасти эти мысли повторяет очерк 1961 г. Максвелла Гайсмара «Синклер Льюис, забытый герой», напечатанный в “Saturday Review” и упомянутый в «Литературной газете». В этой статье, в частности говорится об «упадке современных классиков»:

Речь идет о творчестве Хемингуэя, Дос Пассоса, Фолкнера, Стейнбека. Очерк выдержан в суровом тоне, порою напоминает инвективу: «Почему никто из них не создал в последнее десятилетие свежей или значительной книги?» Критик объяснял это тем, что писатели, сформировавшиеся в 20-е годы, оказались неспособны сказать серьезное слово о послевоенном мире².

Тем не менее, в конце 1950-х гг. количество советских статей, клеймящих Стейнбека за его отступничество от линии «Гроздь гнева», резко снижается и вытесняется упоминаниями имени американского писателя в положительном ключе, с признанием его былых и настоящих заслуг. Об окончательном переломе в отношении к Стейнбеку в СССР могут свидетельствовать публикации нескольких его интервью, которые вышли на рубеже 1950–1960-х гг. и которые демонстрируют интерес к частной жизни писателя, а не к его политическим высказываниям. К примеру, в декабре 1959 г. «Литературная газета» поместила интервью американского автора, взятое у него английской газетой “Manchester

¹ РГАЛИ. Ф. 2175. Оп. 5. Ед. хр. 88. Л. 10.

² Полемика: прошло ли время бунтарей? // Литературная газета. 1961. 11 апреля. С. 4.

Guardian”¹ и содержащее в себе частные детали его характера, его творческого процесса, жизни, никак не связанные с политикой².

Следующие интервью Стейнбека в советской прессе появились уже в 1961 г., после выхода его романа «Зима тревоги нашей» – события, которое вместе с получением писателем Нобелевской премии в 1962 г. знаменует новый этап его взаимоотношений с СССР.

Литература

Большая советская энциклопедия: В 30 т. М.: Советская энциклопедия, 1969–1978.

Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М.: Новое литературное обозрение. 2001.

Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВКП (б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 / ред. А.Н. Яковлева, сост. А.Н. Артизов, О.В. Наумов. М.: Международный фонд «Демократия», 1999.

Жданова Л.И. «Русский дневник» Джона Стейнбека в советской оптике: публикация материалов фондов спецотдела ВОКСа Государственного архива РФ. М.: Издательские решения, 2016.

Иванько С.С. Джон Стейнбек // Стейнбек Дж. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 3–50. (Библиотека «Огонек»).

Кардашов В.И., Семанов С.Н. Иосиф Сталин: жизнь и наследие. М.: Новатор, 1998.

Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М.: Сов. энцикл., 1962–1972.

Панов С.И., Панова О.Ю. «История американской литературы» в советской Академии наук // Литература двух Америк. 2016. № 1. С. 194–242; 2017. № 2. С. 252–372.

Сарнов Б.М. Сталин и писатели. Кн. 4. М.: Эксмо, 2011.

Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945–1953 / Отв. ред., сост. Д.Г. Наджафов, сост. З.С. Белоусова. М.: МФД; Материк, 2005.

References

Benson J.J. *The True Adventures of John Steinbeck, Writer: A Biography*. New York: Viking, 1984.

Bol'shaja sovetskaja enciklopedija: v 30 t. [Big Soviet Encyclopedia: in 30 vols.] Moscow: Sovetskaja enciklopedija Publ., 1969–1978. (In Russ.)

¹ *Weatherby W.J.* Big Man from Monterey // Guardian [Manchester, UK]. 1959. Oct 13.

² Джон Стейнбек о себе // Литературная газета. 1959. 17 декабря. С. 4.

Coers D.V. “Introduction to *The Moon is Down*.” Steinbeck J. *The Moon is Down*. New York: Penguin, 1995: vii–xxviii.

Coers D.V. *John Steinbeck as Propagandist: “The Moon Is Down” Goes to War*. Tuscaloosa, AL: University of Alabama Press, 1991.

Ivan’ko S.S. “John Steinbeck.” Steinbeck J. *Sobranie sochinenij*: v 6 t. [Collected Works: in 6 vols.] Vol. 1. Moscow: Pravda Publ., 1989: 3–50. (“Biblioteka Ogonek”). (In Russ.)

Kannard, Brian. *Steinbeck: Citizen Spy. The Untold Story of John Steinbeck and the CIA*. Nashville, TN: Grave Distractions Publications, 2013.

Kardashov V.I., Semanov S.N. *Iosif Stalin: zhizn’ i nasledie* [Joseph Stalin: Life and Legacy]. Moscow: Novator Publ., 1998. (In Russ.)

Kratkaja literaturnaja jenciklopedija: v 9 t. [Brief Literary Encyclopedia: in 9 vols.]. Moscow: Soviet Enciklopedija Publ., 19672 – 1978. (In Russ.)

Lisca P. *The Wide World of John Steinbeck*. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1958.

Panov S.I., Panova O.Yu. “Istorija amerikanskoj literatury v Sovetskoj Akademii nauk.” [“History of the American Literature (1947) and the Soviet Academy of Sciences.”] *Literatura djuh Amerik* [Literature of the Americas] 1 (2016): 194–242; 2 (2017): 252–372. (In Russ.)

Sarnov B.M. *Stalin i pisateli* [Stalin and Writers]. Book 4. Moscow: Eksmo Publ., 2011. (In Russ.)

Stalin i kosmopolitizm. Dokumenty Agitpropa CK KPSS. 1945–1953 [Stalin and Cosmopolitanism. Agitprop Documents of the Central Committee of the CPSU, 1945–1953], eds D.G. Nadzhafov, Z.S. Belousova. Moscow: MFD Publ.; Materik Publ., 2005. (In Russ.)

Steinbeck: A Life in Letters, eds E. Steinbeck, R. Wallsten. New York: Viking, 1975.

Steinbeck J. *Working Days: The Journals of “The Grapes of Wrath”*, ed. R. DeMott. New York: Viking, 1989.

Vajl’ P., Genis A. *60-e. Mir sovetskogo cheloveka* [The 60s. The World of the Soviet Man]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.. 2001. (In Russ.)

Vlast’ i hudozhestvennaja intelligencija. Dokumenty CC RKP(b)–VKP (b), VChK–OGPU–NKVD o kul’turnoj politike. 1917–1953 [State Power and Intellectuals. Documents of CC RCP(b)–VCP(b), Cheka–OGPU–NKVD on Cultural Politics], eds A.N. Jakovlev, A.N. Artizov, O.V. Naumov. Moscow: Mezhdunarodnyj fond “Demokratija” Publ., 1999. (In Russ.)

Zhdanova L.I. “Russkij dnevnik” *Dzhona Stejnbeka v sovetskoj optike: publikacija materialov fondov specotdela VOKSa Gosudarstvennogo arhiva RF* [Steinbeck’s The Russian Diary from the Soviet Point of View: publication of VOKS Documents from the Funds of the State Archive of the Russian Federation]. Moscow: Izdatel’skie reshenija Publ., 2016. (In Russ.)